

Содержание:

Мелодия возврата.....	2
Воплощенная любовь.....	21
Рождественский ангел.....	25
Спаситель.....	26
Эхо времен.....	30

МЕЛОДИЯ ВОЗВРАТА, ИЛИ ПРОСТО ЛЮБИТЬ

Когда я пришел в себя, в темном небе уже зажглись первые звезды. С трудом выпрямившись, я, все еще словно в тумане, оглянулся по сторонам.

Одноэтажный бело-голубой дом с просторной верандой, на которой мы с Эллис любили обедать в теплые погожие дни... Небольшой сад, теряющий в окружающем сумраке свои очертания... Как много сил потратила Эллис на то, чтобы здесь можно было отдохнуть душой, почувствовать единение с природой...

И вот Эллис нет... В это мгновение я с новой остротой осознал, что она умерла, что я никогда больше не прикоснусь к ней, не встречу взглядом, и меня вновь накрыло черной волной меланхолии и страха: как я буду жить один – без нее? Просыпаться, идти на работу, шутить и смеяться? Возможно ли смеяться, зная, что Эллис не суждено даже улыбнуться? И стоит ли просыпаться завтра утром, если вместе со мной не проснется и она тоже?

Я подумал, что сейчас вполне понимаю самоубийц – жить иногда бывает невыносимо больно. И все-таки я подавил возникшее было смутное желание последовать их примеру, избавиться от боли.

Я поднялся со скамьи и качнулся, с трудом удержав равновесие, ноги мои затекли, спину ломило. Сколько времени я просидел тут? Утром врач сказал мне, что Эллис больше нет... и с тех пор я не помню, что делал – рассудок мой временно помутился.

Я не мог находиться здесь – самый воздух тут казался невыносимо горьким. И я, ни о чем не думая, побрел к калитке, отделяющей старую жизнь от новой.

XXX

Тио не спеша поднимался по спиральной лестнице, слегка касаясь рукой в белой перчатке витых перил.

Он всегда и все делал грациозно и красиво – должно быть, оттого, что и сам был необычайно грациозен и красив. Высокий, статный, белокурый и синеглазый – истинный бог красоты. А впрочем, в каком-то смысле это соответствовало действительности.

Поднявшись на обзорную площадку, он, чуть сощурившись, огляделся. Небольшое круглое пространство, огороженное деревянным, искусно выполненным парапетом, пол вымощен изящной плиткой, справа от лестницы в кадках посажены раскидистые цветущие деревца... Обзорная площадка располагалась высоко над землей, и вид отсюда (особенно сейчас) был просто волшебным: закатное небо окрашено у горизонта в пурпурно-розовый цвет, серебрится полоса моря, а внизу в густой зелени мелькают цветные пятнышки зданий...

Тио мимолетно улыбнулся рассеянной счастливой улыбкой, на мгновение позабыв обо всех проблемах и неприятностях, сыпавшихся на него в последнее время. Здесь, в тишине и покое, он вдруг на долю секунды почувствовал, что счастье, оно, в общем-то, близко - это понимаешь, лишь оказавшись вдалеке от суеты и гомона...

Впрочем, радостное настроение ту же покинуло его, когда он заметил съежившуюся фигурку молодой женщины, сидевшей на скамье под зеленым навесом из ветвей деревьев.

Вздыхнув, он направился к ней. Опустившись на колени перед скамьей, Тио бережно взял тонкую ладонь молодой женщины и слегка сжал.

-Иддина! – тихо позвал он. Женщина вздрогнула и, очнувшись, вскинула на него широко расставленные выразительные глаза. Тио невольно ощутил укол ревности. Да, повезло же Эдеру... Он может касаться ее руки (и не только руки) без зазрения совести и, глядя в эти волшебные сине-серые глаза, видеть в них нежность и любовь...

Хотя Иддина вовсе не относилась к числу красавиц. Да, она была довольно привлекательна, но не более того: среднего роста, с пышными, истинно женскими формами, хотя и не полная, круглолицая, с белой и как будто сахарной кожей и густой копной серебристо-русых волос.

Однажды Тио случайно подслушал разговор двух сотрудниц их научного института. Одна говорила другой (и весьма раздраженно, надо заметить): «Не понимаю, каким образом Иддине удается покорять мужские сердца! Она влюбляет в себя чуть ли не всех мужчин! Было бы на что смотреть... Толстая, бледная, ни ресниц, ни бровей, волосы мышиного цвета... А вот поди ж ты – ее все замечают!». Тио очень позабавили эти слова. Да, наверное, мужчина видит женщину несколько иначе, чем она себя сама...

К тому же дело было не только и даже не столько во внешности. В Иддине было нечто гораздо более важное, чем стандартные параметры красоты – она обладала поистине неповторимой женственностью, легкостью и шармом. Таилось в ней что-то неразгаданное, недосказанное, делающее ее настоящей Женщиной, пройти мимо которой не способен ни один представитель сильной половины человечества. Иддина покоряла мужчин с первым же взглядом своих лучистых серых глаз, а после, когда с ней знакомились ближе, узнавая не только чисто женские, но и общечеловеческие качества натуры, все признавали, что второй такой просто быть не может...

Единственным, кто, казалось, не вполне ценил ее, был Эдер. Во всяком случае, он, Тио, давным-давно поспешил бы жениться на подобном сокровище – а тот все медлит. Почему, спрашивается?

Тио не сомневался, что Иддина – исключительная женщина, и то, что она беззаветно предана своему Эдеру, было его личной драмой. Не будь Эдер его другом, можно было бы попытаться счастья, хотя... Иддина осталась бы Иддиной, слишком уж она верный и преданный человек.

Все эти мысли беспокойным роем пронеслись в его сознании, пока он с легкой тревогой разглядывал молодую женщину. Она заметно осунулась, под глазами пролегли тени, а волосы были собраны в небрежный растрепавшийся узел.

-Тио? – беззвучно шепнула она одними губами. Потухший взгляд равнодушно заскользил по нему.

-Что произошло, Иддина? – мягко спросил он, все еще держа ее ладонь в своей и отчаянно мечтая, чтобы в ее глазах вместо холодного безразличия зажглась искорка теплоты. Однако вместо теплоты в них вспыхнула насмешка.

-Что произошло? – глухо повторила она. – А ты не знаешь?

Тио поморщился.

-Я могу лишь предполагать, Иддина...

-Ну, и предполагай! – рассердилась она и выдернула свою руку. – А меня оставь в покое. Я хочу подумать.

-Не о чем думать, - все так же спокойно проговорил Тио. – Эдер своего решения не изменит.

Она хмыкнула:

-А вы пытались отговорить его? «Я ответственен, я ответственен!». Ответствен... Бред какой-то!

Тио вздохнул:

-Увы, нет. Все мы в какой-то мере ответственны за произошедшее.

-Ничего подобного! Они знали, на что шли! – вспыхнула Иддина, вперившись сердитым взглядом в отрешенно-спокойное лицо собеседника, в ее сине-серых глазах запрыгали искорки.

-Знали, но не осознавали. Это разные вещи. Да и потом, именно мы с Эдером – генераторы и организаторы идеи, разве нет?

-Но рисковать собой собирается Эдер, а не ты, разве нет? – в тон ему отозвалась Иддина. Тио нахмурился:

-Знаешь... Если бы Эдер не вызвался пожертвовать собой, он был бы уже не Эдером. И ты вряд ли любила его, верно?

Иддина резко поднялась, полы ее платья взметнулись.

-Иногда мне отчаянно хочется, чтобы он стал другим! – с болью сказала она и поспешила к лестнице.

Тио не обернулся ей вслед, и еще долго сидел на коленях перед опустевшей скамьей, размышляя о чем-то...

XXX

Солнце мягко освещало просторный монастырский двор, и я, разглядывая в окно второго этажа открывающийся вид, подумал, что впервые за долгие годы ощущаю смутное подобие счастья. Да, я вряд ли когда-нибудь еще почувствую то головокружение от восторга и безумное ликование, которые испытывал, бывало, пока была жива Эллис (при воспоминании о ней я в первый раз внутренне не содрогнулся)... Но зато сейчас я ощущал покой и умиротворение – а это тоже не самые бесполезные чувства.

В конце концов, я здоров и полон сил, я занимаю почетную должность первого помощника настоятеля, меня называют «святым отче»... Ну, и, наконец, я живу в этом благословенном краю, вдали от суеты, в эдаком чудесном оазисе святости среди пустыни беспросветного мрака. И это не просто красивые слова – за прошедшие 20 лет (да-да, мне уже скоро исполнится сорок пять) я пришел к выводу, что только здесь, в стенах этого монастыря, я в состоянии жить, не испытывая мучительной неотпускающей боли...

Я улыбнулся и, продолжая рассеянно разглядывать кусочек лазурно-синего неба с темно-зеленой окантовкой густых деревьев у горизонта, погрузился в воспоминания.

Первый год после смерти Эллис прошел словно в тумане. Я смутно припоминал какие-то лица, незнакомые проулки, новых людей, возникавших на моем пути... Куда я шел? Не знаю. Меня не отпускала постоянная щемящая боль, и к концу года я обнаружил, что стал слишком часто искать избавления в состоянии пьяного полузабытья – в такие минуты мне порою казалось, что Эллис все еще жива... что она где-то близко...

Я словно проснулся и заново оценил все произошедшее, попытался понять, в какие дебри завели меня мои страдания...

Я явно опустился. В какой-то забегаловке в уборной я заглянул в пыльный осколок, именуемый тут зеркалом, и ужаснулся. Да, будь я и раньше таким, Эллис никогда бы даже не посмотрела в мою сторону...

Никогда не скажешь, что мне всего лишь двадцать шесть... В густых и прежде темных прядях появилась седина, на лице проступили первые морщины... Лицо словно опухло, под покрасневшими глазами – мешки, волосы сбиты в колтун... а одежда! И где я только раздобыл этот замызганный старый пиджак?

Я пришел в себя далеко не сразу. Усевшись за один из столиков в забегаловке, я по привычке заказал «чего-нибудь покрепче», но в последний момент опомнился и ограничился соком.

До чего же я дошел? Что со мной произошло за неполный год? Как я умудрился опуститься до такой степени? Просто не верится, что каких-то одиннадцать с половиной месяцев назад я в свободное время любил листать книги и слушать музыку... теперь все мои интересы ограничивались одним – выпивкой.

Что ж, нужно взять себя в руки, нужно попытаться что-то исправить... Ведь можно вернуть хотя бы частицу себя самого, можно научиться жить заново?

Наверное, любить я больше не смогу – Эллис была мне слишком дорога, слишком счастливые три года провели мы с ней, и слишком резко, неожиданно оборвалась ее жизнь... Но где мое место в этом мире? Неужели я везде буду чувствовать себя лишним, обойденным и обделенным?

Должно быть, именно тогда впервые мелькнула идея о монастыре, но попал я сюда только через шесть месяцев, будучи нищим путником, изголодавшимся, усталым, но все-таки имеющим человеческий облик. А здесь я стал еще и Святым Отче.

Много всего произошло за долгие... сколько? Кажется, восемнадцать лет... я начал с роли простого слуги, которому к тому же еще и не платят. Однако в этих стенах не было женщин, и облик Эллис понемногу угасал в моей памяти, бледнел... Здешний чистый воздух, напоенный благоуханием трав, исцелил меня, и вот сегодня я гляжу из окна своей кельи на открывающийся мир и думаю, что все-таки по-своему счастлив...

-Святой отче... - раздался за моей спиной робкий голос. Я обернулся и нахмурился. В дверях стоял молодой послушник. Когда-то, много лет назад, и я был таким же – робким, испытывающим благоговение в присутствии высших церковных чинов... От этой мысли я испытал смутное удовлетворение, и взгляд мой невольно смягчился.

-Да, сын мой? – несколько высокопарным тоном сказал я. Послушник немного приглушенно ответил:

-У ворот сидит путник... он просит позвать первого помощника настоятеля.

-Да? – я немного удивился, но виду не подал. Обычно видеть хотят САМОГО настоятеля, но раз так... Мое настроение еще больше поднялось, и я последовал за послушником.

...Он действительно сидел у широких монастырских ворот, прямо на влажной траве (с утра шел небольшой дождь). Худощавый, смуглый, с коротко стриженными седыми волосами и насмешливыми серыми глазами, он почему-то вызвал у меня чувство неуверенности и беспокойства.

-Кто вы, милостивый путник? – пытаюсь говорить размеренно и спокойно, как и подобает высоким церковным чинам, спросил я. Он криво улыбнулся, и от этой улыбки у меня отчего-то пробежали мурашки по спине, его ироничный взгляд заскользил по моей фигуре и остановился на лице. Выдержать этот взгляд оказалось крайне трудно, и я невольно отвернулся и более сурово осведомился:

-Так кто же вы? И зачем хотели меня видеть?

На этот раз он ответил мне, и голос его оказался низким, бархатистым и странно чарующим:

-Хм... кто я? Вы меня не узнали, отче? Я – Принц Икариус.

Я вздрогнул. Это имя показалось мне смутно знакомым. Но где я мог его слышать?

XXX

День постепенно гас... Море приобрело серебристо-серый оттенок, а у горизонта окрасилось в пурпурный цвет; небо, бездонное, глубокое, гармонично сливалось с ним, становясь к линии их соприкосновения таким же фиолетово-красным.

На влажном прибрежном песке сидели двое, их окутанные розоватым закатным светом фигуры смутно различались в подступающей темноте. Наконец, когда ночь практически смыла пурпур с небес, оставив лишь тонкую полосу у самого горизонта, одна из фигур дрогнула и выпрямилась.

-Пора идти... - пробормотала она. – Завтра трудный день, Эдер...

Вторая фигура тоже шевельнулась, и Эдер, чуть повернув голову, взглянул на свою спутницу – ею, разумеется, была Иддина.

Эдер и вполтину не был так красив, как Тио, хотя, если их не сравнивать, его можно было признать достаточно привлекательным. Впрочем, в отличие от своего безукоризненного соперника, Эдер обладал необыкновенным мужским обаянием и внутренней силой. Он был ниже Тио почти на голову и намного уже в плечах (правда, такая фигура, как у признанного Аполлона, вообще редко встречалась в природе). Смуглый, темноволосый, с подвижным лицом с несколько грубоватыми чертами и жгучими, пылающими черными глазами, он казался противоположностью утонченного белокурого Тио, однако женщин влек к себе не меньше него.

-Ты сердисься, Иддина? – спросил Эдер, пытливо глядя на нее. Она деланно-равнодушно пожалала плечами.

-Да нет... нет, конечно...

Эдер вздохнул.

-Не обманывай, Иддина. Ты обиделась на меня, - он подался к ней, словно хотел обнять, но молодая женщина поспешно отодвинулась в сторону. Воцарилось неловкое молчание, Иддина рассеянно чертила какие-то знаки на влажном песке, а Эдер, нахмурившись, мрачно уставился на ставшее густо-серым, словно грозное небо, море. Через пару минут Иддина будто очнулась и чужим холодным голосом произнесла:

-Я не сержусь и уж конечно не обижаюсь, Эдер. Просто я никак не могу понять, почему жертвовать собой должен именно ты. Как и всегда...

Эдер мягко ответил:

-Потому что именно я затеял весь этот эксперимент. Вернее, мы с Тио...

-Вот именно! – резко перебила Иддина и, обернувшись, гневно взглянула на него, хотя в подступившей темноте лицо его едва различалось. – Ты и Тио! Вы оба! А рисковать намерен ты один!

-Но, Иддина, милая, должен же кто-то остаться здесь, во главе эксперимента...

-Почему бы тебе ни остаться?

Эдер хмыкнул:

-Ты серьезно полагаешь, что Тио станет рисковать собой?

Иддина ничего не ответила, только еще сильнее насупилась, и Эдер продолжил, голос его звучал спокойно и убеждающее:

-Пойми, девочка моя, у меня нет другого выхода. Ну, подумай сама – что за сны станут приходить мне по ночам, какие мысли преследовать в минуты тишины и покоя? Ты мне желаешь этого?

Иддина судорожно вдохнула, отчаянно замотала головой и вдруг порывисто прижалась к нему. Обвив руки вокруг его шеи, она уткнулась лицом ему в плечо и беззвучно заплакала. Эдер нахмурился и осторожно коснулся ее волос, ласково провел по ним пальцами.

-Я люблю тебя... - зашептала она, всхлипывая. – Поэтому так волнуюсь... Я... я все понимаю... ты такой... ты по-другому не можешь... я знаю это, и мне очень больно... мне страшно за тебя, Эдер... - слова лились из нее бессвязным потоком, казалось, вдруг прорвало невидимую плотину, доселе удерживающую эмоции внутри, и теперь Иддина словно спешила выговориться, пока дверь, ведущая в недра души, не захлопнулась вновь, заставив переживать все молча, наедине с собой.

Эдер изо всех сил прикусил губу, будто удерживая какие-то слова или, быть может, вздох, потом чуть склонил голову и коснулся губами макушки Иддины, вдохнув тонкий сладковатый запах, исходящий от ее серебристых волос. Наконец, ему удалось справиться со своими чувствами достаточно для того, чтобы суметь выговорить относительно спокойно:

-Иддина... я должен... я действительно должен... Ты понимаешь? Ты прощаешь меня?

Она всхлипнула.

-Я... я прощаю, Эдер... - прошептала она, пальцы ее скользнули ему за воротник. – Но... понимаю ли? Где-то в глубине души – да. Просто мне слишком больно, чтобы ответить тебе сейчас. Потом, по прошествии времени, когда ты вернешься... Вернее, ЕСЛИ ты вернешься... - добавила она через силу.

Он мрачно покачал головой:

-В любом случае... Иддина... никогда не забывай, что... что ты очень много значишь в моей жизни.

Она подняла голову и с некоторым удивлением взглянула на него. Эдер нахмурился, опустил взгляд и с видимым усилием продолжил:

-Я... я люблю тебя.

Она улыбнулась сквозь слезы.

-Ты впервые признаешься мне в любви, - заметила она. – Я тебе говорила о своих чувствах довольно часто, а ты всегда молчал, держал свои мысли при себе.

Эдер искоса взглянул на нее и, вдруг улыбнувшись, крепко прижал ее к себе.

-Но ведь ты всегда знала, что я к тебе чувствую, верно? – шепнул он ей на ухо. – Мне трудно говорить об этом вслух, давнишний комплекс, еще с институтских времен, когда меня высмеяла одна девчонка...

-Конечно, я знала... я не могла не знать... - пробормотала Иддина, а про себя добавила: «Хотя как мне хотелось услышать это от тебя, просто услышать, как и любой обыкновенной женщине!»

Они сидели, обнявшись, и хранили молчание, прислушиваясь к шороху волн и свисту ветра и погруженные каждый в свои мысли.

Когда в небе зажглись первые звезды, Эдер снова склонился к уху Иддины и тихо шепнул:

-Гляди, видишь ту звезду? – и он указал пальцем на горизонт. Иддина вскинула голову и, сощурившись, взгляделась в черное полотно небес. Одна из звезд сияла особенно ярко.

-Это Эос, - пояснил Эдер.

-Обитель богов, - судорожно вздохнула Иддина. – Оттуда 3 тысячи лет назад к нам сошел Принц Икариус и принес Учение Света... Так, Эдер?

Он мрачно кивнул, глядя на мерцающую серебром звезду. Наконец, заговорил снова, и голос его звучал глухо и обреченно, казалось, он говорит с самим собой:

-Порою я думаю: а не нарушил ли я первую Его заповедь: не ставь себя вровень с самим Богом? Как ты полагаешь?

Иддина ничего не ответила, только пожала плечами. Эдер задумчиво продолжал:

-Знаешь, мне хотелось бы встретиться с Принцем Икариусом.

-Да уж, скромная мечта, - насмешливо заметила Иддина.

-Просто... просто мне необходимо узнать, насколько правильно я поступаю...

XXX

Время обеда еще не наступило, и все же я счел нужным провести странного гостя первым делом именно в столовую.

Столовая представляла собой просторное светлое помещение в форме вытянутого прямоугольника, лишённое всяческих прикрас. В центре располагался длинный стол (без скатерти), по обе стороны которого были расставлены несколько грубовато выполненные деревянные табуретки. Все довольно простой конструкции, но зачем монахам излишества?

Оставив тут «Принца Икариуса», я направился в маленькую кухоньку, изо всех сил стараясь сохранять достоинство – отчего-то взгляд гостя меня здорово смущал.

К обеду готовились тыквенные лепешки, сухие и без сахара, у плиты также стоял бидон с молоком. Попросив одного из спящих здесь послушников принести стакан молока и несколько лепешек, я вернулся в столовую. И через двадцать минут, дав гостю насытиться, приступил к расспросам.

-Итак, - бодро начал я, - зачем вы хотели меня видеть?

Он вытер губы рукавом своего одеяния, напоминающего мешок с прорезями для рук и головы и подпоясанного веревкой, и весело взглянул на меня.

-Это не я, а ВЫ хотели меня видеть.

-Я?! – мои брови поползли вверх. Принц Икариус серьезно кивнул.

-Именно. Не помните разве? «Мне бы хотелось встретиться с Принцем Икариусом». Вот я и здесь. Хотя, по правде, я крайне редко прихожу по чьему-либо зову. Правда, тут нахожусь не совсем я, а скорее один из моих духовных двойников, но это неважно – они ведь созданы именно мною.

Я растерялся, но вместо справедливого возмущения почувствовал беспокойство. Последнюю часть его тирады, о двойниках, я попросту пропустил мимо ушей.

-А для чего я хотел Вас видеть? Не знаете случайно? – деланно-язвительным тоном осведомился я, наконец.

Принц Икариус сощурился и внимательно посмотрел на меня, словно оценивая, чего я стою. Я поежился, мне сделалось не по себе.

-Случайно или нет, но знаю, - медленно проговорил он. – Вам было необходимо узнать, насколько правильно вы поступаете. Вам это **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** необходимо, вы не врали и не преувеличивали. И это – одна из главных причин, по которым я все-таки откликнулся.

-Да ну? – не смотря на все усилия, голос мой дрогнул. Мне казалось, я сплю и вот-вот проснусь; не бывает в жизни таких нелепых абсурдных ситуаций, одно из двух – либо сидящий напротив меня человек ненормальный, либо с ума сошел я сам! И почему-то я все больше склонялся ко второй версии. Я попытался справиться со своим голосом: - И как? Насколько правильно я поступаю?

-Совсем неправильно, - без тени улыбки заметил он. На долю секунды я буквально онемел от изумления. Я ожидал чего угодно, но только не таких слов. Уж что-что, а гордиться собой я имел полное право! Кто, как не я сумел преодолеть комплекс и чувство утраты и стать тем, кем я стал?

-И в чем же неправильно? – холодно спросил я, стараясь смотреть не ему в глаза, а куда-то в район переносицы. Но все равно заметил насмешку, мелькнувшую в его взгляде.

-Вы полагаете, что от себя можно сбежать, а это ошибка. От себя, как и от бога, не сбежишь. Все равно рано или поздно отыщет.

Не знаю почему, но от этих слов остатки моего лучезарного настроения погасли, и на душе сделалось тяжело. В это мгновение я почти ненавидел Принца Икариуса и отчаянно боялся услышать продолжение, боялся понять, что он прав... Он не может быть прав, не может!

-Я вовсе не бегу от себя, - не вполне уверенно возразил я. – Напротив, нахожусь в полной гармонии с самим собой.

-И поэтому заперлись в этих четырех стенах, исключили из жизни все мирское, сбежали от проблем и препятствий? От самой жизни? – его взгляд прожигал меня насквозь, и я нервно заерзал на табурете.

-Это не просто четыре стены, это монастырь...

-Это, прежде всего именно четыре стены, в которых вы пытаетесь спрятаться от самого себя, - прервал меня он.

-Эти стены спасли меня когда-то! – вдруг рассердился я. – Если бы не это...

-Возможно, вам в тот момент и нужно было подобное убежище, - жестко сказал мой собеседник. – Но теперь вы переросли его, вам пора двигаться дальше.

-Но у меня есть определенный круг обязанностей, я не могу вот так все бросить... - растерялся я. Он пожал плечами и легко поднялся на ноги.

-Что ж, дело ваше. Хотя, на мой взгляд, каждый человек абсолютно свободен в своем выборе. Однако я не расположен убеждать вас в чем бы то ни было.

И Принц Икариус неторопливо покинул помещение, а я остался сидеть за длинным столом, не зная, что и думать...

...Через несколько часов я вышел наружу и обвел округу беспокойным взглядом. На скамье у ворот сидел мой гость, и я ощутил облегчение – значит, он еще не ушел. Поколебавшись, я приблизился и сел рядом. Он, казалось, не обратил на меня ни малейшего внимания.

-Так, значит, вы не сторонник религии? – решил я нарушить тишину. Принц Икариус искоса поглядел на меня и усмехнулся:

-Вы имеете в виду Бога гармонии Тио и Бога Разума Эдера?

-Ну... да, - отчего-то неуверенно согласился я.

-Хм... а сами-то вы поклоняетесь этим богам?

-Разумеется. Я ведь монах, в конце концов...

-Лучше бы стали самим собой. Иначе некому будет играть роль божественного Эдера, - в его голосе мне послышалась насмешка. Я насторожился:

-Что вы имеете в виду?

Он посмотрел на меня, как мне показалось, с жалостью.

-Поймете однажды, - заметил он и чуть слышно добавил: - Если, конечно, захотите.

Воцарилось молчание, и наступившую тишину нарушал лишь шорох ветра и далекое пение птиц. Я испытывал непонятную тревогу, что-то мучило меня, но я не мог определить – что.

-И что же мне нужно сделать, чтобы стать самим собой? – через некоторое время спросил я. Принц Икариус улыбнулся, как мне хотелось верить, чуть дружелюбнее.

-Полагаю, вернуться туда, где вы себя потеряли. Вернее, сознательно оставили.

Минуту-другую мы молчали, а я пытался сообразить, куда он клонит. Наконец, сумел сформулировать вопрос:

-Вы постоянно мне говорите обо мне самом: мол, знаете ли вы себя, найдите себя... но я ведь вот, перед вами – и нахожусь в душевном равновесии, я спокоен и доволен жизнью. Так что вы имеете в виду?

Принц Икариус издал негромкий смешок и, чуть повернув голову, насмешливо взглянул на меня. Я опасался встречаться с ним глазами, но, даже уставившись на собственные колени, все равно ощущал его пристальный взгляд.

-А вы никогда не думали, что вселенная куда многограннее, чем кажется? Что мир вокруг – в какой-то мере всего лишь подделка?

-Ну почему же, - напряженно отозвался я, сосредоточенно разглядывая свои руки. – Я знаю.

-Вы не знаете, - с какой-то горечью возразил он и вдруг встал. Я изумленно вскинул голову, и взгляды наши все-таки скрестились, однако на сей раз в его серых глазах не было и тени насмешки, лишь усталость и безнадежность. Принц Икариус повторил: - Нет, не знаете. И даже когда вроде бы поймете смысл моих слов – все равно не будете знать. Потому что порою мне кажется, что и я не вполне осознаю... Я могу Вам дать только два совета. Первый: вспомните слова своего святого Эдера: в ваших телах живет Господь. Не забывайте их, даже когда вам будет казаться, что Вы вполне их поняли. Второе: ищите себя там, где потеряли. А теперь – спокойной ночи, - и он неспешно направился к монастырю. Я провожал его худощавую фигуру растерянным взглядом.

...Когда я проснулся на следующее утро, Принца Икариуса уже не было, и никто не знал, куда и когда он ушел.

Я пытался делать вид, что ничего не изменилось, но к вечеру сдался. Станный гость сломал во мне что-то, и стены монастыря начали словно бы давить на меня, я рвался... куда? Не знаю...

Ложась спать, я уже твердо знал – необходимо что-то изменить. А когда проснулся среди ночи, внезапно понял - мне необходимо вернуться домой... туда, где умерла Эллис. И от осознания этого я ощутил облегчение и страх.

XXX

Иддина, забравшись с ногами в кресло и закутавшись в теплый байковый халат, мечтательно смотрела в окно на серебряную россыпь звезд и улыбалась краешками губ.

Ее слишком плохо знают... И Эдер в том числе. Неужели он полагает, что она ограничится лишь страданиями? Ни в коем случае.

Небесные тела зажигались и гасли, уступая место рассвету, а она продолжала загадочно улыбаться своим мыслям...

...Раскрасневшись от возбуждения, Иддина схватила Салли за руку. Девушка испуганно обернулась и с тревогой взглянула на нее своими темно-синими, обрамленными густыми черными ресницами, глазами.

-Иддина? – неуверенно спросила она, украдкой посмотрев по сторонам.

-Ну? – не обращая внимания на ее испуг, выпалила та, вперив в нее изучающий взгляд. – Так как? Сделка не отменяется?

Салли быстро оглянулась, от чего ее роскошные, с легкой рыжиной локоны рассыпались по плечам. Узкий коридор с по-больничному белыми стенами был абсолютно пуст. Облизав пухлые розовые губы, красотка, склонившись к Иддине, которая была немного ниже, взволнованно зашептала ей на ухо:

-Все, кажется, в порядке. Но я тревожусь...

-Не стоит тревожиться, - властно прервала ее Иддина и довольно улыбнулась. – Ты поступаешь абсолютно верно.

-Но если меня уволят... - тем не менее, волновалась Салли. Иддина хмыкнула.

-Глупости, - пренебрежительно обронила она. – В любом случае, я оставила Тио письмо, в котором говорю, что я одна во всем виновата... - она поморщилась, пожала плечами и на минуту задумалась. Потом, сощурившись, рассеянно, как бы обращаясь к себе самой, добавила: - Да и потом, Тио куда больше волнует своя внешность, нежели моя безопасность...

Раскрасневшаяся Салли попыталась было что-то вставить, но Иддина, очнувшись, поспешно положила руку ей на плечо, ободряюще улыбнулась и спросила:

-Все готово?

-Да... - испуганно выдохнула та. Иддина удовлетворенно кивнула и, помедлив, задала главный вопрос:

-А... он? Там?

-Да, - нервно сглотнув, подтвердила Салли. – Он... готовится. Я проведу вас через боковую дверь. Вы знаете, что надо делать? Иначе это чревато...

-Знаю, - резко перебила она и выпрямилась. В ее глазах появился лихорадочный блеск. – А теперь идем.

...Комната тонула в полумраке. Иддина остановилась на пороге и сощурилась, пытаясь приспособиться к сумрачному освещению.

Помещение имело форму вытянутого прямоугольника, по двум сторонам которого располагались ряды удобных мягких кресел. В большинстве из них сидели люди, и, казалось, дремали.

В центре зала располагалось нечто наподобие стола, на котором стоял прибор неизвестного для посторонних назначения. От него тянулось множество тонких проводков, и, проследив за ними взглядом, Иддина обнаружила, что они направлены к людям, дремлющим в креслах. «Это и есть тот самый Центр Музыки, - догадалась она. – А эти провода, конечно, подсоединяют наушники». Ей сделалось не по себе при мысли, что через пару минут такой же проводок будет тянуться и к ее креслу.

В воздухе чувствовался слабый и немного пряный запах, доносившийся от ароматических палочек, расставленных между кресел. Свет источали лишь немногочисленные свечи.

Иддина отвела со лба прядь волос, руки ее дрожали, сердце бешено стучало, а на лбу выступили капельки пота.

«Что ты делаешь, ненормальная? – мелькнула трезвая мысль. – Ведь запросто можно сойти с ума! Тебе не прочли даже вводной лекции, не говоря уже о двадцатидневном курсе».

Но Иддина тут же прогнала рациональную мысль прочь и, выпрямившись, бесшумно проскользнула к ближайшему креслу с края. Ей почудилось, что она опускается на облако или тщательно сбитую воздушную перину. Удобно откинувшись, женщина закрыла глаза и сосредоточилась.

«Забудь обо всем. Ты его любишь. Ты не сможешь жить с другим, пусть даже во много раз лучшим, мужчиной. Есть в нем нечто, что влечет тебя, влечет неумолимо, так, что ты даже готова рискнуть собственным сознанием и сойти с ума – лишь бы заполучить шанс быть рядом с ним...» - эти мысли пронеслись в ее голове, и отчего-то приносили неясное облечение.

Раздались тихие шаги, кто-то остановился рядом с ее креслом. Иддина открыла глаза и невольно вздрогнула, обнаружив склонившуюся над ней фигуру, в которой не сразу опознала Салли.

-Возьмите, - шепнула та и протянула ей какую-то таблетку. – Это специально разработанное нами средство, помогающее расслабиться и погрузиться в состояние полутранса, подобное тому, в которое попадает человек перед тем, как заснуть. Наши ученые его называют «пограничным сознанием», - не смотря на то, что девушка говорила взволнованно и торопливо, она ни разу не сбилась и не попыталась «объяснить понятнее» - видимо, ей приходилось говорить именно эти слова множество раз.

-Это наркотик? – нахмурилась Иддина. Было трудно различить выражение лица Салли, слишком темно, однако женщине показалось, что девушка смутилась.

-Ну... - почти беззвучно протянула она. – Это... я не могу объяснить вам.... Э...

-Ладно, - скептически перебила ее Иддина. Да уж, нашла у кого спрашивать, эта красотка, скорее всего, хорошо знает лишь детали, касающиеся ее внешности.

Салли смущенно продолжила:

-Тогда положите таблетку под язык, закройте глаза и расслабьтесь. Я подключу наушники.

Иддина с сомнением разглядывала маленькую темную таблетку на своей ладони.

-А где ОН? – через некоторое время спросила она с нажимом на последнее слово, не поднимая глаз.

-В дальнем конце. Он уже вошел в состояние пограничного сознания.

Иддина искоса взглянула в другой конец комнаты, но, конечно, Эдера не увидела, потом покорно сунула в рот таблетку, откинулась в кресле и закрыла глаза. Во рту разлилась неприятная горечь, и через минуту тело начало неметь, а мысли путаться и таять. Казалось, ее уносит мощной неумолимой волной в открытый океан, и противиться этому было невозможно. Откуда-то издали донесся голос Салли:

-Я подключаю наушники. Через минуту включу Мелодию Перехода. Не волнуйтесь, все будет в порядке.

Она не волновалась... она словно таяла, ее кружил стремительный вихрь, и не осталось места никаким эмоциям и чувствам, кроме рассеянной расслабленности... Пока не зазвучала Музыка...

...Она словно разом проснулась, но это не было тем привычным чувством, которое испытываешь, обнаружив себя утром лежащим в теплой постели. Нет, просто ей вдруг показалось, что время ускорило, и ее несет куда-то сквозь миры и реальности. Иддина по-прежнему не ощущала своего тела, и мысли, иногда вспыхивавшие в обострившемся сознании, будто не принадлежали никому, просто существуя сами по себе.

Вот как чувствует себя развоплотившаяся Душа... Незнакомое ощущение, описать которое невозможно... Полет? Да, но при этом тебя словно бы и нет. Вот когда понимаешь, что внешность, деньги и слава не имеют ровно никакого значения, ведь теперь у тебя нет тела и самого мира, чтобы реализовать и использовать любые материальные блага... Лишь краски кружатся в ослепительном разноцветном вихре...

Не сразу она осознала, что слышит Музыку, так называемую Мелодию Перехода. Музыкальные переливы будто вплелись в самую ткань Вселенной, повторяя ее рисунок, и отделить Музыку от ярких образов казалось невозможным.

Буйство красок постепенно меркло, вихрь замедлялся, и начал прорисовываться узор какой-то новой реальности.

Иддина силилась удержаться на грани сознания, увидеть, запечатлеть этот новый мир, но она словно тонула, и вокруг разливалась чернота бессознательности. Гасли последние мысли и воспоминания, кружение останавливалось, мир замирал...

Ее сковал ужас, страх перед волной Небытия, когда вдруг понимаешь, что уцепиться не за что, вселенная ускользает сквозь пальцы, и через долю мгновения тебя тоже не станет.... Ты ускользнешь, как и мир вокруг, куда-то за грань сознания, туда, где разум не в силах анализировать и интерпретировать.

И вдруг, когда от реальности осталась одна лишь меркнущая точка, в памяти мелькнул тающий образ Эдера.

-Я люблю тебя... - то ли мысленно, то ли вслух прокричала она, и последняя капля Вселенной растаяла...

...Тио был в бешенстве.

-Да Вы хоть понимаете... - он судорожно вздохнул, пытаясь совладать с гневом и не закричать на перепуганную Салли, съежившуюся на своем стуле напротив его стола. По ее безукоризненно красивому личику пошли красные пятна, губы распухли, оттого что она их постоянно кусала.

Тио смотрел на нее почти с ненавистью. Хорошенькая девчонка, право слово, Иддина по сравнению с ней дурнушка, но, бог ты мой, разве их можно серьезно сравнивать?! Эта кукла абсолютно пустая, взгляд круглых синих глаз не выражает ровно ничего... С ней можно неплохо провести пару вечеров, но это пока не приесться безукоризненная правильность линий ее тела и лица. А потом... Да с ней можно попросту умереть со скуки!

Кто она? Кажется, младший лаборант исследовательской фармацевтической лаборатории их научного института... Причем, как выяснил Тио час назад, наводя справки, сотрудник она не просто посредственный, а вообще бездарный.

Впрочем, этого стоило ожидать – на что можно рассчитывать, когда тебя попросту вынуждают принять на работу дочурку некоего важного человека, без протекции которого их с Эдером научный институт не существовал бы?

Судя по всему, эта дурочка не разбирается даже в химии, которую изучала на протяжении шести лет в Национальной Академии на факультете органической химии по специальности фармацевта. Хотя зачем ей разбираться в чем бы то ни было, если ее папа – никто иной, как ректор этой самой Академии, да еще в придачу Президент Международной Ассоциации ректоров? Казалось бы, с такими связями, он мог бы пристроить свою дочурку в какой-нибудь действительно престижный ВУЗ на модную высокооплачиваемую должность, но почему-то этого не сделал, и теперь Тио вынужден мучаться с несомненной глупостью младшего лаборанта...

Этой девице поручили то, на что, казалось, даже ее мозгов должно хватить: выучить пару строк и фраз, и говорить их, когда вручаешь таблетку Гипнотического сна претенденту. Да еще вовремя включить и выключить Мелодию Перехода – в общем, ряд самых простых действий. Трудно? Как оказалось, - да.

Эти мысли кружили в его сознании, пока Тио постепенно приходил в себя. Нельзя срывать, нельзя забывать, чья доченька перед ним.

-Вы хотя бы прочти ей вводную лекцию? – безнадежно спросил он, прекрасно зная ответ. Лекцию! Да она вряд ли вообще имеет представление о том, каких правил следует придерживаться, входя в состояние транса.

Салли испуганно покачала головой, с ужасом глядя на разозленного Тио. Судорожно сглотнув, она сделала попытку заговорить, голос ее дрожал и срывался:

-Вы... вы... уво... уволите меня?

Тио поморщился. Она что, действительно воображает, будто ее приняли за какие-то особые заслуги и таланты, а не за тот счастливый факт биографии, что она родилась в семье Ивадеро? Уволишь ее...

Он с трудом разжал челюсти и выдавил из себя:

-Нет.

Она захлопала накрашенными ресницами, похоже, не веря своему счастью. Тио ощутил, как волна ярости вновь захлестывает его, и не сумел удержаться от вопроса:

-Скажите, а почему вы это сделали?

-Мне Иддина обещала, что напишет вам письмо... - пролепетала Салли. Тио заскрипел зубами и попытался взять себя в руки.

-Я получил, - холодно подтвердил он, стараясь приглушить неприятный осадок, оставшийся после прочтения ее письма. Отдельные фразы из него невольно всплыли в памяти: «...не волнуйся за меня. Хотя ты волнуешься в основном о другом – не буду уточнять, о чем именно... Не ругай эту девочку – бедное дитя действительно не понимает как все опасно... Я бы в любом случае так поступила, Тио. Я не могла иначе, и мне плевать на последствия. Поймешь ли? Если любил когда-нибудь, поймешь. Правда, я говорю о любви не к себе, а к другому человеку...». Жестоко... Вот какого мнения она о нем. Или он такой и есть на самом деле?

-Тогда... что она пишет? – нарушил ход его мыслей робкий голосок Салли. Тио очнулся.

-Неважно, - резко ответил он. – Я хотел выяснить другое – что она вам пообещала взамен за услугу? Никогда не поверю, что вы действовали из сугубо альтруистических порывов.

Салли густо покраснела, ничего не ответив. Тио обозлился.

-Ну?! Деньги-то вам не нужны, отец и так может дать вам в досталь, - в его голосе звучало презрение. Девушка вздрогнула и, уткнувшись взглядом в пол, пробормотала:

-Лунный мазурит.

-Что?! – не поверил Тио.

Лунный мазурит? Серебристо-прозрачный и очень редкий камень, обладающий, если верить оккультистам, особыми защитными свойствами. Лунный мазурит... Семейное наследие Иддины, ее талисман, с которым она никогда не расставалась, искренне веря, что он приносит ей удачу.

-Хотел бы я, чтобы меня тоже так любили, - пробормотал Тио, покачав головой. Но ведь нельзя дарить талисман. Удачу он приносит лишь своему законному владельцу, ее не выменять и не купить... И только такая особа, как Салли, могла польститься на краденную удачу – хотя, может, ей просто кажется, что серебристый прозрачный камень подходит к очередной обновке? Ведь мазурит не купишь в ювелирном магазине...

-Я запрещаю вам принимать этот дар, - ледяным голосом сказал Тио, подняв на Салли взгляд. Хоть это он еще может сделать для Иддины... Правда, трудно заранее предугадать ее реакцию – вполне возможно, Иддина лишь придет в ярость и демонстративно передаст талисман своей «помощнице», аргументируя тем, что «обещала». А на самом деле, скорее всего, потому что ОН это сделал для нее. Порою ему кажется, что она его ненавидит... только вот за что?

-Но она ведь обещала... - заныла Салли.

-Вы нарушили основной закон нашего Научного Института – а перед тем, как поступить сюда, вы ознакомились со всеми правилами и требованиями и подписали соответствующий документ. Так что лучше не спорьте.

Салли огорченно смотрела на него, и Тио вдруг ощутил безнадежность. Что ей объяснять? Такое впечатление, будто его слова попросту не доходят до ее сознания, и она улавливает лишь то, что выгодно ей. Выпрямившись на стуле, он махнул рукой.

-Ладно, идите... Позовите Арнольда. Хоть это-то вы можете сделать нормально?

...Арнольд был высоким сутулым человеком с худощавой фигурой и копной седых нечесаных волос. Одет он был, как и всегда, в любимый халат, некогда белый, и теперь – серо-буро-малиновый.

«Зачем ему халат? – искренне недоумевал Тио всякий раз, глядя на него. – На мой взгляд, он скорее композитор, недели ученый, хотя на полном серьезе считает, что для того, чтобы создать Мелодию Перехода, нужна в первую очередь математика. Может, и так...».

Арнольд оперся о косяк двери и с некоторой укоризной взглянул на хмурого Тио.

-Ну? Ты звал меня? _ осведомился он. Тио устало потер глаза и кивнул.

-Угу... Ты уже знаешь?

Арнольд поморщился.

-А то как же... все знают.

-Что ж. Включи ей Мелодию Возврата.

Арнольд на секунду замер, не веря своим ушам.

-Но... Но ведь она не действует. Я перепроверил все сотни раз, но ошибок не обнаружил. Музыка абсолютно гармонично вплетается в ткань нашего мира, и нет причин...

-Вот и прекрасно! – рявкнул Тио, множество раз слышавший его оправдания. – Действуй. И, умоляю, самостоятельно, не поручай ничего этой... девушке...

Арнольд продолжал с недоумением глядеть на него.

-Тио, ты не в себе? ОНА НЕ ДЕЙСТВУЕТ! Ты забыл?

-Знаю, помню, - устало отозвался Тио, разом сникнув. – Но ты все же попробуй.

...Арнольд мчался по коридору, не замечая ничего вокруг и лишь изредка кивая в ответ на чьи-то приветствия. Добравшись до двери Тио, он распахнул ее без стука и, тяжело дыша, ввалился в помещение. Хозяин кабинета недовольно поднял голову от бумаг, которые проглядывал, и тут же ахнул. Арнольд выглядел еще более растрепанным и безумным, чем всегда.

-Что случилось? – он вскочил на ноги, встревоженный.

Арнольд отрывисто ответил:

-Она вернулась, Тио. Не знаю, почему, но она действительно вернулась.

-Что? – изумился Тио, отвыкший от хороших новостей. – Мелодия начала действовать?

Арнольд удрученно покачал головой.

-Увы, только на нее.

-А... Эдер? – помедлив, спросил Тио.

-Нет. На него не действует.

Побледнев, Тио вышел из-за стола.

-А ты не спросил ее, почему так вышло? Может быть, она знает причину?

-Она в плохом состоянии, Тио, - сухо отозвался Арнольд. – Хотя она сказа кое-что... Вряд ли стоит обращать на это внимание...

-Ну?!

Арнольд пожал плечами и скептически произнес:

-Она сказала, что нужно просто любить. Ну, где ты еще слышал подобную чушь?

XXX

Не знаю, что я ожидал увидеть... Возможно, другую семью, живущую в нашем с Эллис доме, а может быть, новые застройки на территории коттеджей...

Но это пятнышко планеты оказалось запущенным и забытым, люди словно бы вымерли в этом уголке мира... Наш дом терялся в буйстве зелени, калитка покосилась, и, стоя у ворот, я вдруг ощутил, как к горлу подступает горячий комок.

Нет, ничего я не забыл...

И боль вовсе не утихла...

Прав был Принц Икариус, я попросту сбежал от себя самого, а, вернувшись, понимаю – я оставил здесь часть своей души.

Я почувствовал, что плачу, и ничего не мог с собой поделать, не мог остановиться, и одно лишь утешало: вокруг не было ни одного свидетеля моей слабости.

Я пытался воскресить образ Эллис, но почему-то в памяти вместо смуглой темноволосой девушки возникла совсем другая женщина, старше моей Эллис: круглолицая, белокожая, с серебристо-русыми локонами и серыми с синим отливом глазами...

-Может быть, я схожу с ума? – прошептал я и вдруг понял, что даже знаю имя незнакомки – Иддина...

Иддина? Эллис?

У меня закружилась голова, и в висках застучала кровь. Мне сделалось жутковато, но остановить поток неведомой информации я был уже не в силах.

Мне вспомнился какой-то другой мир. Не этот, окружающий меня сейчас. Другой. Другой...

И на самом деле меня зовут Эдером, и я и есть один из богов, принявших участие в создании этого мира...

Воспоминания заструились в моем сознании, и я стоял, тяжело дыша и понимая, что наконец-то освобождаюсь...

...Два лучших друга, еще студенты – Тио и Эдер. Первый – стройный, широкоплечий и белокурый, на него оглядываются все девчонки и изо всех сил «стреляют глазами», что ему, несомненно, доставляет удовольствие. Эдер должен бы меркнуть в тени его великолепия, однако же, что-то невидимое тоже тянет к нему людей, и недостатка в женском внимании он отнюдь не ощущает...

Лежа на берегу моря и беспечно болтая, он разглядывали спящих вокруг людей. Вдруг Тио перевернулся на спину и в раздумье сказал:

-Это синие бездонное небо... И серебристое море... Весь этот чудесный, волшебю прекрасный мир...

Эдер, прерванный на полуслове, с изумлением взглянул на друга, не понимая, с чего это вдруг на того накатил приступ сентиментальности и мечтательности – романтичностью Тио отнюдь не отличался.

-Что ты имеешь в виду?

Тио с улыбкой взглянул на него.

-Просто мне любопытно... Каково это – создать такой мир и ощутить себя Творцом? Как думаешь?

Эдер удивленно пожал плечами.

-Право слово, не знаю, - скептически произнес он. – Никогда не создавал.

-А не тянет испытать себя в роли бога? – подзадоривал его Тио, снова перевернувшись на живот. Эдер хмыкнул:

-Комплекс совершенства. Огромный грех, как говорится в Учении.

-Да ладно! – отмахнулся Тио. – Неужто ты действительно веришь, что святому Икариусу делать больше нечего, чем следить за нами, а?

Эдер приподнялся на локте и с подозрением спросил:

-Ты на что намекаешь?

-Ну... - задумчиво протянул его друг. – Не знаю... Просто размышляю...

...Они действительно испробовали себя в роли богов. Прошло много лет, и вот они – во главе собственного научного института. И эксперимент тщательно подготовлен: искусственный мир создан, и будущее его население, пустые футляры-тела – тоже. Найдены и добровольцы, рискнувшие опробовать новый вид экстрима.

-На самом деле все безопасно, - разглагольствовал Тио, бывший весьма искусным оратором. – Время здесь и там течет по-разному, там пройдет много лет, а у нас – минуты, ну, в крайнем случае, дни. Это своего рода внетелесный опыт. Ваш тонкоматериальный принцип, который многие попросту именуют душой, временно одухотворяет экспериментальное тело-футляр – таково его рабочее название. Это будет происходить под контролем сведущих специалистов в области оккультизма. Нашими сотрудниками разработаны специальные технологии и методики, позволяющие добиться желаемого результата. Простейшие из них – таблетка Гипнотического Сна и Мелодия Перехода. Эта Мелодия, по мнению нашего специалиста Арнольда Истариваума, по ритмам идентична вибрации искусственного микромира.

-А как же вернуться в **этот** мир? – спросил кто-то. Тио снисходительно улыбнулся:

-Все продумано до мелочей. Для этого существует Мелодия Возврата. В то время, пока вы будете испытывать на себе наш новый вид экстрима, ваше настоящее тело будет погружено в состояние сродни летаргического сна: то есть все функции существенно замедлены...

Тио говорил еще очень долго, сыпал непонятными терминами, улыбался белозубой улыбкой, убеждал, внушал... Он обладал поистине необыкновенным даром убеждения и умело пользовался своим талантом.

Поэтому не так уж странно, что среди богатых и скучающих персон нашлись добровольцы, успевшие изведать все на свете.

Все прошло просто замечательно, именно так, как и ожидалось: Мелодия Перехода сработала, искусственные тела ожили...

Вот только... Мелодия Возврата не действовала.

Тела-футляры жили своими жизнями, со своими проблемами, и никакими силами не удавалось вернуть оживившие их начала обратно...

Добровольцы (вернее, их тела) мирно дремали в креслах, им вводили питательные вещества, Арнольд перепроверял свои расчеты, Эдер и Тио нервничали... И, наконец, Эдер решился.

Его пытались отговорить, конечно, но тщетно.

-Ну, чего ты добьешься? – раздраженно вопрошал Арнольд. – Не работает Мелодия Возврата, понимаешь? И если ты тоже станешь одним из обитателей микромира, это ничего не изменит.

Эдер хмуро ответил:

-Они доверились мне, Арнольд... Понимаешь? Доверились. А теперь...

Арнольд вздохнул.

-Они доверились Тио, если на то пошло, и потом, они подписали бумагу о том, что осознают весь риск...

-Да не осознавали они ничего! – взорвался Эдер. – Неужели ты не понимаешь, каким даром внушения обладает Тио? Он способен представить вещи в особом свете, приглушить чувство опасности... Он уговорил меня взяться за идею создания этого микромира, и я перестал понимать, насколько это безумно!

Арнольд нахмурился.

-Ну, ты ведь не мог знать, что Мелодия не сработает. Я-то гарантировал, что все будет в порядке, - с неохотой признал он.

-Да дело не только и даже не столько в этом, - сердито отозвался Эдер. – Ты понимаешь, что мы попросту НЕ ЗНАЕМ, как и что там происходит? Все, что нам известно, - это набор формул, диаграмм, чертежей, разнообразных расчетов и туманных теоретических гипотез...

-Но мы делали опыты, Эдер! – бурно запротестовал Арнольд. – Я лично контролировал их! Все происходило вполне благополучно.

-Да, но это все-таки разные вещи, - устало отозвался Эдер. Злость в его душе осела, оставив опустошение и чувство безысходности. Он виноват, виноват и ничто на свете не убедит его в обратном. Он поднял взгляд на Арнольда и тихо продолжил: - На самом деле мы сами не вполне понимаем, как все происходит. Что они чувствуют сейчас? Помнят ли о том, кто они такие на самом деле? А вдруг наш эксперимент повредит их разум?

-На то он и эксперимент, - сухо заметил Арнольд и вынул из замызганного кармана лабораторного халата пачку сигарет. – Мы НЕ ЗНАЕМ, но ХОТИМ ЗНАТЬ. И посредством эксперимента обязательно выясним.

-Да, но какой ценой? – морщась от сигаретного дыма, возразил некурящий Эдер. – Как потом с этим жить?

Арнольд начал злиться.

-Послушай, это просто смешно! Ты ученый или кто? Ты что, ожидал, что все сразу пойдет как по маслу, сразу получится, как ты себе навоображал? Так бывает только в сказках! Хочешь добиться серьезного результата – готовься к серьезным испытаниям! А если не готов, то иди в сказочники, там можно насочинять, что душе угодно. Стань же, наконец, взрослым, Эдер!

-К твоему сведению, ТВОЯ часть работы проделана плохо! – вскочив на ноги, закричал в ответ задетый за живое Эдер. – А теперь ты стоишь тут с таким невозмутимым видом, беспечно покуриваешь и поучаешь меня?!

Арнольд потушил сигарету и, сощурившись, впери в Эдера сердитый взгляд. В пожилом ученом явно клокотала ярость, и он с немалым трудом взял себя в руки и холодно осведомился:

-Тогда объясни мне, будь добр, чего ты добьешься своим поступком?

Эдер скрипнул зубами от осознания собственной беспомощности.

-Не знаю... По крайней мере, расплачусь за все.

Арнольд смерил его презрительным взглядом, хотел что-то сказать, но, сдержавшись, пожал плечами и быстро вышел из кабинета.

Больше его никто не отговаривал. Кроме Иддины, разумеется.

...С нею он познакомился давно, еще у истоков будущего научного института. Ее представили им с Тио как молодого специалиста по оккультной математике и талантливого чертежника-проектировщика. Только-только со студенческой скамьи – закончила с отличием, но практического опыта никакого. Правда, опытных мастеров привлечь было крайне трудно – одни не хотели работать под началом «двоих детей», другие сочли их идею безумной... Арнольд – один из немногих, кого удалось говорить, да и то, по специальности он был компьютерным дизайнером, а «математическая музыка» - так, хобби...

Иддина была совсем юной и еще не успела вполне раскрыться во всем своем очаровании, не вобрала в себя до конца всю силу женственности, но даже тогда умела задеть тайные струны мужской души.

У Эдера и Тио просто не было выхода – они не могли не подпасть под ее обаяние, не влюбиться... Каждый из них нашел в ней что-то свое, и это тайное и неразгаданное покорило их...

Трудно сказать, льстило ли Иддине внимание двух весьма перспективных молодых людей, завоевать благосклонность которых старались многие женщины... Редко кто знал, о чем думает она, и многие злопыхатели с уверенностью утверждали, что умная девушка просто сделала вполне рациональный и трезвый выбор, не испытывая ничего ни к Эдеру, ни к Тио.

Время показало, что они ошибались, тем более что Иддина действительно оказалась талантливым специалистом с оригинальным гибким мышлением. Что покорило ее в Эдере, не мог понять ни он, ни Тио. Между двумя верными друзьями пролегла невидимая трещина, хотя они и пытались делать вид, что все в порядке и ничего не изменилось. Впрочем, Эдеру было безразлично – ведь он заполучил куда более верного и преданного человека.

Так начался их долгий странный роман, без бурных выплесков чувств и любовных волнений – эти двое просто любили друг друга, спокойно и без лишних эмоций. Может быть, именно недостаток страсти привел к тому, что Эдер, занятый своими опытами и расчетами, так и не предложил ей «руку и сердце», а она почему-то молчала... Он никогда ее не ревновал, даже к Тио – слишком очевидным было то, что Иддина принадлежит только ему и всегда будет принадлежать. Так же, как и он – ей. Так что зачем подтверждать данный факт еще и официально? О детях за суетой и проблемами он просто не успевал подумать, тем более что у него уже было дорого любимое детище – его собственный научный институт...

Так все и продолжалось много лет, пока не завершилось его вынужденной жертвой.

Иддина не хотела его отпускать, но отпустила.

Ей не оставили выбора, и она последовала за ним.

Он ДОЛЖЕН БЫЛ догадаться, что она поступит именно так. Почему же тогда не догадался?

Он виноват... Он виноват и в этом...

Это Я, Я виноват... Я, Эдер...

Иддина, Эллис... Это ведь была ты, верно? Но ты умерла? Значит ли это, что ты вернулась назад? Нет, не значит...

Люди в этом микромире умирают и рождаются, но не возвращаются. Они застряли на этой фальшивой планете, и я один виноват во всем.

Иддина, Иддина... Зачем ты так поступила?

Я знаю, зачем... Ты меня любишь, это очевидно для всех. Наверное, на твоём месте я поступил бы точно так же. Наверно? Несомненно!

Я люблю тебя, Иддина...

XXX

Было совсем темно, и длинные белые коридоры еще несколько часов назад погрузились во тьму, когда последние сотрудники разошлись по домам, а охранник, наскоро пройдясь по этажам, отключил освещение. Абсолютную темноту лишь слегка разбавлял жидкий серый свет, исходящий от значка, прикрепленного к рубашке быстро идущего по коридору человека.

Он последовал в дальний конец коридора и остановился у последней двери. Слабый свет значка озарил табличку: «Кабинет первого директора Т.Меньхиседеке». Хмыкнув, молодой человек коротко постучал и толкнул дверь.

Помещение, как и коридоры, тонуло в полумраке, и лишь на столе горела небольшая лампа. За столом, тяжело опершись о него локтями, сидел Тио и, обхватив голову руками, невидящим взглядом уставился на хаос разложенных вокруг бумаг. На стук он слегка приподнял голову и, ахнув, вскочил на ноги, причем так порывисто, что опрокинул стул. Не обратив на это ни малейшего внимания, Тио перегнулся через стол и, явно не веря глазам, прошептал в благоговейном ужасе:

-Эдер?! Или я уже брежу от усталости?

...Через двадцать минут они оба сидели за столом и пили крепкий кофе. Эдер выглядел бледным и изнуренным, Тио, напротив, был возбужден.

-Мелодия начала действовать? – спросил он, сделав небольшой глоток очень горячего горького напитка. – Сначала Иддина, теперь вот ты...

Эдер отрицательно качнул головой.

-Не в этом дело, - пробормотал он, и устало потер пальцами виски.

-Арнольд включил тебе Мелодию? – продолжал допытываться Тио, не сводя с Эдера нетерпеливого взгляда.

-Да... Он мне говорил, что порою оставляет ее включенной на разные промежутки времени в разные периоды суток... Чтобы определить, при каких условиях Мелодия все-таки заработает.

-Она заработала ночью, так? – возбужденно сказал Тио. – Или дело в погодных условиях? А может...

-Да при чем здесь это! – раздраженно перебил его Эдер, одним большим глотком допивая свой кофе. От крепкого напитка в голове его слегка прояснилось, и почти перестало тошнить. – Просто Мелодии Арнольда кое-чего не хватает...

-Ну и чего же?

-Она... - Эдер пытался подобрать нужное слово. – Слишком сухая... безэмоциональная... как и сам автор, собственно, - добавил он хмуро, вспомнив слова Арнольда о том, каким должен быть настоящий ученый.

-Да? Но ведь Мелодия Перехода сработала! – возразил Тио. Эдер хмыкнул:

-Еще бы... В нашем с тобой микромире, Тио, нет эмоций... Мы не сумели их создать. Мы сотворили пустую безжизненную оболочку. А вот ЭТОТ мир... В ткань нашей вселенной вплетены энергии чувства, а Арнольд этого не учел. Его Музыка пуста.

Тио нахмурился.

-Как же ты тогда сумел вернуться?

-Думаю, все дело в Иддине.

Тио почувствовал, что к щекам прилила кровь, и как можно небрежнее спросил:

-В Иддине? Не понимаю...

Эдер склонил голову набок и, задумчиво помешивая ложечкой в уже пустой чашке, раздумчиво ответил:

-Вся эта история... Через нее всю красной нитью проходит... ну... наша с Иддиной любовь друг к другу, - услышав короткий нервный смешок, Эдер резко спросил: - Ты с чем-то не согласен?

Тио, не глядя на него, нехотя ответил:

-Согласен... такую женщину нельзя не любить... только... - он немного помедлил, прежде чем решиться продолжить: - Ты ведь портишь ей жизнь, Эдер. Она одинока, по сути.

Глаза друга сверкнули в полутьме.

-Думаю, тебя это ни в коей мере не касается, - холодно заметил он – Это моя с Иддиной проблема.

-Ладно, - уступил Тио. – Продолжай.

Вспыхнувшая в душе Эдера злость (возникшая главным образом потому, что Тио был прав) не сразу осела, дав возможность говорить спокойно, и Эдер сумел продолжить лишь через пару минут.

-Итак, я полагаю, для того, чтобы вернуться, нужно просто любить...

-Как ты сказал? – перебил его Тио. – Просто любить? То же говорила и Иддина...

Ее имя он произнес как-то по-особенному, и Эдер взглянул на Тио с подозрением.

-Да, любить, - осторожно подтвердил он. – Нужно находиться в особом состоянии любви... Это будет тем недостающим элементом в Мелодии Возврата. И поможет вернуться.

Тио молча разглядывал его.

-Это... ммм... не очень-то научно, не находишь? – наконец осведомился он.

Эдер пожал плечами.

-Возможно. Но, тем не менее, я сижу перед тобой, а они все еще там...

-Значит, любовь... - хмуро протянул Тио. – И твои соображения? Пойти к Арнольду и сказать: дескать, добавь в свою музыку чуть-чуть эмоций? Только, чур, ты иди. Представляю выражение его лица...

-Арнольд – математик, – сухо отозвался Эдер. – Вряд ли он вообще поймет, о чем я толкую.

-И все-таки я не понимаю. Неужели все наши добровольцы – бесчувственные чурбаны и никого не любят? Конечно, они пресыщены жизнью и полны самых разных впечатлений, но, тем не менее, они нормальные живые люди, способные любить.

Эдер вздохнул.

-Все не так просто. Ты верно заметил – СПОСОБНЫЕ любить. Быть способным любить и даже любить кого-то – не то же самое, что ЧУВСТВОВАТЬ это в необходимый момент.

-Не понял... - протянул Тио.

-Да я тоже просто строю очередные теории... Мне кажется, что нужно испытывать сильный всплеск любви именно тогда, когда звучит Мелодия Возврата. Чтобы необходимые элементы музыки и чувств сплелись в узор нашего мира и позволили вернуться. Да еще, пожалуй, нужно ХОТЕТЬ вернуться.

-Ну, Иддина вовсе не хотела, - сухо возразил Тио, не глядя на него. – Видел бы ты ее тогда... Она на меня смотрела так... не укоризненно, нет, а как будто с отчаянием.

Эдер искоса взглянул на него, но Тио упорно не поднимал глаз от опустевшей чашки.

-Я правда не знаю, - наконец сдался Эдер. – В одном лишь точно уверен: нужно любить и страстно желать вырваться из бесконечного круговорота...

-Но Иддина... - снова завел Тио. Эдер взорвался:

-Да при чем тут она! Иддина – особенный человек. Она шла туда ради меня, ради меня, понимаешь?! И вряд ли вообще по-настоящему принадлежала тому искусственному миру.

-Понимаю, - тихо ответил Тио и, наконец, посмотрел на Эдера. Тот криво улыбнулся:

-Я бы тоже не вернулся, если б не Принц Икариус.

-Если бы не кто? – вздрогнул от неожиданности Тио.

Эдер впервые за долгий вечер улыбнулся – улыбка его была светлой и рассеянной.

-Принц Икариус. Я его видел. И говорил с ним.

-Я не понимаю... - Тио выглядел совершенно сбитым с толку. – Ты говорил с Божественным Вестником планеты Эос?! Принцем Икариусом? И где? В нашем мире?!

Эдер, все так же рассеянно улыбаясь своим мыслям, задумчиво кивнул. Тио тоже улыбнулся, но только его улыбка казалась недоверчивой.

-А ты часом не бредишь, а, Эдер? – насмешливо осведомился он. – В нашем с тобой искусственном мире – и вдруг такой гость? Откуда он там взялся? Он и на этой-то планете побывал всего однажды 3 тысячи лет назад.

Эдер пожал плечами.

-Не знаю. Но это был он.

Тио все так же недоверчиво разглядывал его.

-Ну, и что же он сказал?

-Да много всего, - отозвался Эдер, погруженный в воспоминания. – И кое-что из его слов меня тревожит...

-Что именно?

-Сейчас процитирую. Кажется, он сказал так: «...вспомните слова своего святого Эдера: в ваших телах живет Господь. Не забывайте их, даже когда вам будет казаться, что Вы вполне их поняли...»

-Святого Эдера? – ухмыльнулся Тио. – Ну-ну. Ты там – божество?

-Угу... И ты, между прочим, тоже. У меня есть мысли на этот счет, но я выскажу их позднее. А пока меня волнуют его слова... Что он имел в виду – не забывать его слов, даже когда я вроде бы пойму их смысл? Он утверждал, что тот мир – подделка, и теперь я вижу, что это действительно так. Мы с тобой его подделали.

-Ну и? – нетерпеливо сказал Тио, которого несколько покорила подобная формулировка.

-И еще он сказал – в ваших телах живет Господь... И я снова убедился, что он прав... Я, по сути, действительно Господь, создавший тот мир...

-И что тебя беспокоит? Все верно.

-Но почему он сказал: не забывайте, даже когда вроде бы все поймете?!

-Да какая разница? – раздраженно отмахнулся Тио. – У нас есть проблемы поважнее.

-Но вдруг и этот мир – подделка? Вдруг в наших телах таятся воистину непредсказуемые способности и власть над миром? А мы заперлись в трех координатах и не хотим, упорно не хотим слышать Мелодию Возврата? Услышь ее мы, кто знает, какие грани и возможности откроются перед нами... Двери в какие миры отворятся... Может быть, мы все спим и не слышим, как нас пытаются разбудить... Можем все, а убеждены, что не способны даже влиять на собственную жизнь... Реальность многограннее и шире, чем нам кажется...

Тио смотрел на Эдера с некоторым опасением.

-Ты немного переутомился, - наконец заметил он. – Поговорим о другом, ладно?

Эдер кинул на его внимательный изучающий взгляд. Тио явно пытался казаться безразличным к сказанному им, но в глубине его выразительных синих глаз затаилась тень сомнения. В чем же он сомневается? Уж не в его ли, Эдера, умственных способностях? Может, решил, что их эксперимент все-таки вредит рассудку испытуемых?

Он холодно пожал плечами.

-О чем ты предлагаешь поговорить?

Тио живо откликнулся:

-Безграничные возможности и власть, конечно, радуют сердце, но ты случаем не забыл, что у нас есть небольшая проблемка? С добровольцами?

Эдер помрачнел.

-Не забыл... Просто... я тут размышлял...

-О чем опять? – с тревогой спросил Тио. Эдер хмуро улыбнулся.

-Не о Принце Икариусе. Всего лишь о религии, господствующей в нашем микромире.

-Не намного лучше, - едва слышно пробормотал Тио. Эдер в который раз на сегодняшний вечер обозлился:

-Пускай, но тогда объясни мне, каким образом мы с тобой оказались там в роли богов?

Тио заколебался, размышляя.

-Ну... - протянул он. – Возможно, таким образом проявляется их подсознательная память о том, что именно я и ты – творцы их мира...

-Возможно, - энергично кивнул Эдер. – Но это, опять-таки, всего лишь гипотеза. Полагаю, мне стоит ненадолго вернуться туда...

-Вернуться?! – опешил Тио. – О Святой Принце Икариус, зачем?!

-Я вернусь туда в образе божественного Эдера, - вслух размышлял его партнер. – Нужно будет все хорошенько продумать...

-Зачем туда возвращаться, Эдер?!

-Я не доверяю Арнольду! – возбужденно пояснил тот. – Все, что он мог, уже сделал. Люди САМИ должны осознать, в каком положении оказались, должны ВСПОМНИТЬ. Наверняка у каждого из них есть кто-то, кого они искренне любят, кто дорог им... Возможно, Мелодия сработает, если они осознают свою положение и захотят вырваться из него...

-И ты намереваешься научить их этому? – скептически бросил Тио. Эдер, не ощутив насмешки, кивнул:

-Да. В образе святого Эдера это будет не так уж и трудно, полагаю.

-А ты уверен, что, вернувшись туда, не позабудешь обо всем снова? Вновь не втянешься в тот искусственный круговорот жизни?

Эдер казался удивленным.

-Не знаю... я должен рискнуть, понимаешь? Я ведь все хорошо продумаю, прежде чем возвращаться туда...

-Для начала лучше навести Иддину, - сердито перебил его Тио. Эдер вздрогнул.

-Она спит, наверное, - неуверенно сказал он, смутившись: на самом деле, ему и в голову не пришло навестить ее...

-Как знаешь, - сухо отозвался Тио. – Хотя я на твоём месте изредка думал бы не только о спасении миров, но и о ней.

XXX

Иддина выглядела бледной и измученной, ее кожа казалась сейчас еще более светлой, чем белоснежные простыни больничной палаты, лицо осунулось. Она сидела на кровати,

завернувшись в одеяло, и со слабой улыбкой разглядывала Эдера, устроившегося рядом с ней на табурете. Ее ладонь покоилась в его руке, и он слегка поглаживал ее тонкие пальцы.

-Я не спала, - проговорила Иддина устало, но в то же время с нежностью. – Я вдруг проснулась и поняла, что ты вернулся. А потом сидела и ждала тебя.

Эдер слегка покраснел. Долго же ей пришлось ждать... Может быть, Тио отчасти прав?

-Как ты себя чувствуешь? – решил он перевести разговор в более безопасное русло. Женщина склонила голову набок, размышляя.

-Плохо, - наконец призналась она. – Никаких сил не осталось.

Эдер с тревогой взглянул на нее.

-Как можно было без предварительной подготовки...

-Можно, - резковато перебила Иддина и выпрямилась. – Ты прекрасно знаешь, что мне было наплевать на последствия.

На мгновение ему стало труднее дышать.

-Прости меня... Прости меня... Эллис...

Она устало улыбнулась:

-Эллис... Да... Ты страдал, когда я умерла?

Он беззвучно вздохнул.

-Страдал ли? Конечно... Да ты и сама знаешь...

Улыбка Иддины смягчилась, свободная рука женщины скользнула к волосам Эдера и поправила непослушную челку, падающую ему на глаза.

-Теперь все хорошо... И не проси прощения. Ты должен был так поступить. Я понимаю.

«Ты не понимаешь, - мысленно, с досадой возразил он ей. – Я не БЫЛ должен. Я ВСЕ ЕЩЕ должен. И я просил прощения не за прошлое, а за будущее».

Ему следовало сказать это вслух, но он тянул.

-Знаешь... После этого приключения я все время думаю... А вдруг в пространстве нашего мира тоже звучит своя Мелодия Возврата? И кто-то из всех сил старается втолковать нам, что мы слепы и глухи, не видим и не желаем видеть ничего, кроме узких созданных нами самими рамок... В нас живет Господь... Значит ли это, что так же могущественны?

-Наверное, - кивнула Иддина. – Я часто думаю, что мы сознательно пытаемся не слышать Мелодию Возврата. Мы не хотим возвращаться, мы боимся перемен...

-Мелодия Возврата... - пробормотал Эдер. – Возврата куда?

-Я не знаю... - пожала плечами Иддина. – Может быть, обратно к Первоисточнику Жизни...

-И как же услышать эту мелодию?

-Я не могу тебе ответить... - со слабой улыбкой отозвалась Иддина, с нежностью глядя на него. – Может быть, просто любить?

-Но я люблю тебя... - возразил он, чуть сильнее сжав ее пальцы. Она вздохнула.

-Возможно, это всего лишь низший ранг любви... Мужчина и женщина... Наверное, нужно любить нечто большее, чем просто другого человека... И последовать за звуками Мелодии Возврата, уйти сквозь миры и вселенные... Легко, свободно... Оставив здесь все. Это непросто, полагаю.

-Когда ты успела обо всем этом передумать? – искренне удивился Эдер. Иддина хмыкнула:

-Мне не так уж мало лет, и я знаю тебя довольно давно... Времени хватило.

Он как зачарованный смотрел на нее, с особенной остротой сознавая, что больше медлить нельзя. Пора сказать.

-Иддина... – тихо проговорил Эдер. Она вопросительно взглянула на него, а он мямля, не зная, с чего начать. Прошло около минуты, когда Иддина наконец вздохнула и, сжавшись, устало произнесла:

-Ладно, иди. Я все знаю. Ты опять туда вернешься.

-Откуда ты знаешь? – с изумлением спросил он, хотя в то же время почувствовал облегчение оттого, что неприятную правду не нужно произносить вслух.

-А разве могло быть иначе? – с горечью, резонно заметила Иддина. – Ладно, Эдер, иди. Я устала, - и она выдернула свою руку из его пальцев. Он растерянно посмотрел на опустевшую ладонь, нехотя поднялся и, глянув на Иддину сверху вниз, настойчиво спросил:

-Ты потерпишь в последний раз?

-В последний... Да уж... - нервно рассмеялась Иддина, упрямо разглядывая свои колени.

-Ответь мне!

-Иди, Эдер, иди... - тихо шепнула она, кусая нижнюю губу, чтобы не расплакаться.

-Что ты будешь делать? – продолжал допытываться он. Иддина устало взглянула на него, и в ее глазах Эдер увидел что-то, заставившее его ужаснуться. В чем же он ошибается? Ведь он прав, несомненно, прав, так почему она не может этого понять?!

-Прости меня. Хотя я и не знаю, за что, - с трудом выдавил он и, повернувшись на каблуках, быстро покинул палату.

Некоторое время Иддина хранила напряженное молчание, нервно комкая простыню. Потом негромко пробормотала, глядя на закрывшуюся за Эдером дверь:

-Что я буду делать? **Просто любить...** Что мне еще остается?

ВОПЛОЩЕННАЯ ЛЮБОВЬ

Глава 1. Флоренция. Конец 15 столетия

По каменной мостовой шел юноша. Высокий и несколько хрупкий, с черными спутанными волосами, спускающимися к по-девичьи узким плечам. Глаза большие, задумчивые и как будто погасшие. Он шел по мостовой, которой так гордились флорентийцы, погруженный в свои мысли.

- Жаль, что никто и никогда не услышит обо мне... - пробормотал Доменико (так его звали), остановившись около статуи Донателло святого Марка, расположенной на Орсанмикеле в высокой нише.

Никто и никогда... Возможно, это заявление чересчур категорично?.. Кто знает, быть может, в его силах сделать так, чтобы имя Доменико прогремело повсюду подобно именам Микеланджело и Леонардо да Винчи?

Нет... Конечно же, нет. Его роль заключается совсем в другом...

XXX

Доменико обернулся на звук чьих-то шагов.

А, это ты, Себастьян... Ну, как, удалось принести? - он приблизился к ладно скроенному, статному юноше, со скупающим видом остановившемуся неподалеку.

Да. Удалось. Мне всегда и все удается, - самодовольно заметил тот.

Белый мрамор? О, друг, я остаюсь твоим должником... Белый мрамор... – в непонятном возбуждении шептал Доменико и, облизав пересохшие губы, в волнении взглянул на небольшой сверток в руках собеседника.

Ну... нет, не белый. Мне казалось, тебе на первый раз сойдет и розовый. Или унести обратно? – несколько раздраженно и язвительно осведомился помрачневший Себастьян, задетый за живое. Чтобы он – и не оправдал чьих-то надежд... Когда такое было?! И как смеет этот мальчишка смотреть на него с таким скорбным видом, как будто ему сообщили, что завтра Флоренция исчезнет с лица Земли?!

Доменико, действительно испытывавший разочарование, попытался скрыть свои чувства за жалким подобием улыбки:

- Нет-нет, ни в коем случае. Может быть, так даже лучше... - и он в задумчивости провел рукой в воздухе, словно очерчивая лишь ему видимый силуэт. – Лицо девушки, розоватое, живое... Да, лучше...

Себастьян небрежным жестом поправил темный волнистый локон и с любопытством спросил:

- Девушки? Ты собираешься создать образ девушки? – и, смерив его насмешливым взглядом, пробормотал себе под нос: - Да уж, есть же любительницы женоподобных мужчин...

Доменико пожал плечами и подтвердил, явно не расслышав его последних слов:

- Именно так.

Сгорая от любопытства, Себастьян поинтересовался:

- А кто она, эта девушка? Твоя подружка? - И он снова придирчиво и удивленно оглядел его. Ну, что может привлечь молодую девушку в этом хрупком большеглазом мальчишке? Хотя... кто поймет их, этих женщин!

-Нет... - рассеянно отозвался Доменико и, жадно разглядывая сверток, поспешно добавил: - Она мне то ли приснилась, то ли привиделась... Не знаю. Долго объяснять.

- Ага, а тебе не терпится приступить к ваянию, - понимающе кивнул его друг, ни на мгновение не поверив в «привиделось, приснилось...». – А натура как? Хорошенькая?

- Натура? Нет натуры... есть просто образ... - и, не в силах более терпеть, он протянул руку к заветному свертку.

Себастьян ухмыльнулся, не торопясь отдавать принесенный мрамор, и, покачивая сверток в руке, продолжал расспрашивать привычным насмешливым тоном:

-А с каких это пор ты принялся ваять? Разве ты умеешь?

-Нет... - хмуро буркнул Доменико, сердито покосившись на Себастьяна. Тот опешил.

-Хм... - не зная, как отреагировать на странное заявление, озадаченно протянул он. – А как же ты собрался изваять образ своей подружки?

-Я смогу. Только один раз, - неохотно пояснил Доменико, сверля взглядом сверток. Себастьян с недоумением покачал головой и, сжавшись, протянул другу мрамор.

-На, бери, твори... - произнес он на прощание, ожидая бурной благодарности. Доменико поспешно выхватил сверток из его рук и дрожащей рукой прикоснулся к обертке, словно намереваясь сорвать ее.

-Нет... - пробормотал он, обращаясь к себе самому. – Не сейчас. Не здесь.

-Может, поблагодаришь меня? – уязвлено осведомился Себастьян. Доменико, спохватившись, быстро закивал:

-Разумеется. Огромное спасибо!

XXX

Доменико придирчиво оглядывал крупный, не очень ровный монолит розоватого мрамора, изучая каждую грань и царапинку.

- Да уж, не самый лучший мрамор на свете, но все-таки по-своему неплох... - пробормотал он, обращаясь к себе самому. Привыкнув к одиночеству и почти уже не тяготясь им, Доменико пытался создать иллюзию общества, разговаривая сам с собой.

Бережно вода длинными гибкими пальцами по гладкому камню, Доменико иногда качал головой, причмокивал губами, продолжая бубнить себе под нос:

- М-да... Вот так... Да, это будет лицо. Головка девушка. Я почти вижу линию лба, вот она... Нужно лишь чуть-чуть поработать резцом, «вынуть» лицо из камня, оживить его...

XXX

Эльза, статная, уже начинающей стареть женщина, молча смотрела на Доменико, и во взгляде ее сине-серых глаз нельзя было заметить ничего, кроме равнодушия.

Доменико явно чувствовал себя неуютно в стенах этого древнего родового замка и, стараясь совладать с собой, нервно крутил в руках белый кружевной платок.

- Итак, что тебе, Доменико? – сухо осведомилась женщина. Маленький узел волос на затылке, длинное темное платье, одинокая нить жемчуга... Эльза казалась скалой, ледяной глыбой, но вовсе не представительницей прекрасной половины человечества. Доменико украдкой взглянул на портрет юной красавицы, висящий за спиной Эльзы. Оттуда на него, смеясь, глядела радостная и обаятельная девушка с роскошным водопадом тяжелых локонов цвета майского меда. А ведь это была Эльза в молодости... Что произошло с ней?! Что происходит со всеми нами, когда мы стареем? Или есть те, кто даже стареет красиво?...

- Тетушка... – неуверенно начал он, - не могли бы оказать мне небольшую услугу?

Она ответила равнодушно и холодно:

- Смотря что ты имеешь в виду.

- Вы не могли бы спрятать и хранить одну вещь? - Доменико покосился на увесистый сверток, который он прижимал к груди. Эльза, как показалось юноше, с искренним интересом взглянула на него, однако взгляд ее тут же потух.

- Думаю, могу. Что именно ты хочешь, чтобы я сохранила?

- Маленькую скульптуру из розового мрамора, я изваял ее сам.

- Сам? - приподняла тонкие брови Эльза – Но разве ты умеешь? И где ты достал мрамор?

- Друг помог, - Доменико не хотелось вдаваться в подробности.

- А инструменты? Голыми руками не сотворишь скульптуру из мрамора, ведь это не глина.

- Вы имеете в виду резец и молоток? Мне одолжили эти инструменты.

Эльза прошла по просторному залу. Бросив мимолетный взгляд на свой портрет, она произнесла:

Я и не знала, что ты любишь ваять.

Доменико хмуро пожал плечами.

Я не говорил, что люблю. Я никогда не пробовал. Это была первая попытка... и последняя.

Эльза нахмурилась.

-Почему ты уверен, что последняя?

-Я не просто уверен, я знаю, - твердо отозвался он, не поднимая взгляда от каменных плит. Эльза пожалала плечами.

- Ладно, покажи свою скульптуру, - нетерпеливо произнесла она. Доменико поспешно развернул шуршащую бумагу, и на свет показалась маленькая головка женщины. Эльза требовательно протянула руку, и мраморная скульптура опустилась ей на ладонь. Крохотной статуей было лицо миловидной дамы с прелестным вздернутым носиком, полными губами, обрамленное облаком чуть волнистых волос, огибающих высокий лоб и сбегających к середине стройной шеи.

Мило! - одобрила Эльза. - Хорошо, я сохраню. Да, сохраню. Расскажи подробнее, что делать с этой скульптурой, и почему ты не хочешь попытаться счастья и стать скульптором? Боишься опорочить фамилию?

Тень слабой улыбки коснулась его тонких губ.

- О, нет... Об этом я подумал бы в последнюю очередь.

Тогда в чем же дело? – помолчав, спросила Эльза. Доменико пожал плечами.

А зачем мне это? Даже если бы я сумел ваять дальше (а я не смогу), зачем? Зачем мне обречь себя на то, что я буду обязан до конца дней своих выдумывать, творить... Зачем мне это?

Ну, если ты смотришь на судьбу художника именно так... - вздохнула Эльза. – Что ж... А зачем же мне хранить твое первое и, как ты уверен, последнее творение?

Я бы очень просил Вас выполнить мою просьбу, не задавая вопросов, - вежливо отозвался Доменико, уставившись в пол. Эльза вздрогнула, словно ее ударили, но тут же взяла себя в руки и холодно ответила:

Хорошо.

Но, прежде чем выйти из зала, она помедлила и, словно решившись на что-то опасное, шагнула к племяннику. Осторожно коснувшись его плеча, Эльза напряженно произнесла, будто преодолевая себя:

Мне кажется, ты что-то упускаешь, мой мальчик... Жизнь скульптора пусть беспокойна, но насыщена. Подумай над моими словами.

- Конечно, тетушка, непременно, - как-то жалко улыбнулся юноша и, указав на мраморную головку женщины, напомнил: - Спрячьте ее. Быть может, мы больше не увидимся. За сим – прощайте.

Эльза быстро кивнула и удалилась в свои покои. Когда она возвратилась, Доменико в зале уже не было. Подойдя к большому окну, женщина выглянула наружу, фигура племянника превратилась в крохотное пятнышко на горизонте.

- Бедный, бедный Доменико... — прошептала Эльза. Больше она его никогда не видела.

Глава 2. Начало 21 века

Ксения перевернула страницу и продолжила быстро писать:

«Ох, Инка, ты не поверишь, как я счастлива! Уверена, ты сейчас жутко завидуешь мне. Ладно, я шучу, не бойся.

Леонардо – идеальный мужчина. Ну, пусть не идеальный, но близкий идеалу. Красивый, умный, добрый... Интеллигентный и эрудированный, с ним так интересно просто беседовать, а это важно, не правда ли?

Знаешь, порою мне так трудно поверить, что я живу в Милане, в самой Италии... Хотя сейчас, рядом с любимым человеком, я бы согласилась отправиться даже в Африку.

Кстати, только на днях я узнала подробности того, чем я привлекла Леонардо в самом начале. Я, конечно, уверена в своей неотразимости и красоте, но тем не менее...

Дело в том, что Леонардо происходит из довольно знатного рода. Где-то в 15 веке жил его далекий предок по имени Доменико. О нем ходит множество легенд в семействе Леонардо, его называют то скульптором, то колдуном, то художником... Хотя от него осталось всего ничего – лишь небольшое мраморное изваяние, которое хранится подобно талисману. Это изваяние представляет собой головку женщины, причем никто не знает, кто она такая.

Так вот представь себе ситуацию. Приезжает Леонардо на Украину и встречает там... ожившую скульптуру! Меня, то есть. Дело в том, что черты моего лица и волосы

буквально зеркальное отображение этой скульптуры. Вернее наоборот... Я, увидев это произведение искусства, была поражена. Такое впечатление, словно неведомый Доменико был ЗНАКОМ со мной. Представляешь? Невольно поверишь в чудеса.

В любом случае я благодарна ему. Ведь теперь я абсолютно счастлива».

...Темнело, в небе зажглись первые звезды. Растянувшись на траве, Доменико задумчиво смотрел в чернеющий покров небес.

- Кто я такой? – пробормотал он с усмешкой. – Колдун, маг? А может быть, ясновидящий? Еще много веков люди будут гадать, и думать, кто же я такой.

И разве кому-нибудь может прийти в голову, что Любовь способна принять материальную форму, воплотиться в тело какого-нибудь человека – на время, конечно? Воплотиться, чтобы когда-нибудь две судьбы соединились воедино...

А завтра все вернется на круги своя. И Доменико будет просто жить, не ведая о том, что стал загадкой веков...

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ АНГЕЛ

Его мог бы заметить каждый, но почему-то не замечают. А может быть, люди просто не знают о его существовании?

Но стоит только внимательно взглянуть на новогоднюю ель, на кончики ее ветвей – и ты заметишь маленький огонек. Это и есть он – Рождественский ангел.

В рождественскую ночь он – твой лучший друг и защитник. Это он витает над праздничным столом, и с его мягких волос, с его одежды рассыпается розоватая сверкающая пыль. Она тоже не замечается нами, но стоит нам с нею соприкоснуться, как наше настроение улучшается, мы начинаем больше понимать и любить друг друга. Ангел хочет, чтобы в это прекрасное и волшебное Рождество Христово все были счастливы.

...Это место ты не найдешь нигде. Там нет пространства и времени. Любой человек был бы восхищен, увидев его.

В центре там горит огонь любви, зажженный сердцами маленьких Рождественских ангелов, которые сидят вокруг него. Соединяясь в единый костер, любовь их сердец словно удваивается. Когда наступает час Рождества, каждый ангел подлетает к костру, и яркое пламя дарит ему маленький огонек, который тут же рассеивается в волосах и пестрой одежде ангела в виде розовой сверкающей пыли.

Ангелы спешат в те дома, где еще понимают значение великого праздника – Рождества Христова, и дарят волшебную пыль людям.

...Вновь – Рождество... И вновь тысячи малюсеньких огоньков, почему-то не замечаемых людьми, летят и летят. А как было бы чудесно, если бы ты, приподняв голову, увидел маленького Рождественского ангела. Ангела, который думает лишь о том, чтобы в праздник Рождества на твоём лице сияла счастливая улыбка...

СПАСИТЕЛЬ

Анна с состраданием склонилась над его бледным, испещренным глубокими морщинами лицом. Тонкие гибкие пальцы девушки ласково распушили его седые волосы.

- Тебе лучше, отец? - тихо спросила она и осторожно присела на край набитой соломой постели.

Тяжелые веки с трудом приподнялись, обнажив мудрые глаза, уже плохо видящие, но продолжавшие сохранять необычный ум. Губы старца тронула слабая улыбка, и он, немного приподняв голову, ласково произнес:

- Все в порядке, дочь моя. Я прекрасно себя чувствую! - тут он, умолкнув, закашлялся и без сил упал на постель. Анна поспешно встала и, подбежав к небольшому возвышению, принялась быстро смешивать в глиняной миске отвары различных трав. Через минуту она уже сидела у постели Рафаила и следила за тем, чтобы он выпил весь лекарственный напиток.

- Тебе должно стать лучше, отец, - мягко сказала Анна, снова поставив глиняную миску на возвышение.

- Мне станет много лучше, когда я увижу Спасителя, - тихо ответил Рафаил.

- Может, Он и придет, - поспешила сказать девушка. - Наверняка... Поспи, отец. Ты устал.

Старец послушно прикрыл глаза и вскоре уже спал, погрузившись в неведомые другим сны. Анна продолжала сидеть у его постели, вспоминая...

...Родителей своих Анна помнила очень смутно, их лица слились в памяти с образом Рафаила. Девушка точно не помнила, что произошло тогда, много лет назад, забыла, как осталась совсем одна в большем шумном городе...

...Анна медленно брела куда-то вдаль, прижав к груди узелок с едой и испуганно оглядываясь на прохожих. Она осталась совсем одна, одна во всем мире, куда ей теперь податься? Ей очень хотелось расплакаться, как когда-то в случае «беды», но испуг сковал ее сердце, и слезы остановились где-то в горле, больно обжигая, но не смея пролиться наружу.

Анна не помнила, не сознавала, сколько уже бродит здесь, среди самых разных людей с самыми разными проблемами. И никто, никто не обращал на нее на малейшего внимания!

- Девочка, что с тобой? - неожиданно раздался над ее ухом удивленный женский голос. Анна подняла испуганный взгляд. Перед ней стояла миловидная девушка, а рядом - двое молодых людей. Один из них, высокий, стройный, с выразительными темно-кариими глазами, вызвал в душе девочки целую бурю, и Анна молча стояла, не в силах произнести и слова. Что-то знакомое было в лице этого человека, вернее не в лице - а во взгляде или... Нет, девочка не умела понять свои чувства, ведь она точно знала, что никогда не видела странного незнакомца.

- Меня зовут Адой, - склонившись к ребенку, говорила молоденькая девушка. - Ты потерялась?

Но Анна продолжала молчать, испуганно моргая. Тогда к Аде присоединился молодой красавец, тот самый незнакомец, которого, как казалось девочке, она словно бы уже видела. Взяв растерявшуюся Анну за руку, он мягко спросил:

- Ты потерялась, малышка?

- Кто Вы? - наконец сумела выговорить Анна, широко раскрыв прекрасные глаза, в которых затаилась недетская боль. Незнакомец негромко рассмеялся и, обхватив девочку, поднял ее на руки и посадил себе на плечо. Маленькая процессия продолжила свой путь.

- Меня зовут Рафаилом, дитя. Но ты не ответила на мой вопрос: ты потерялась? Куда тебя отвести?

Не выдержав, Анна расплакалась. Боль, которую она держала в себе долгое время, вырвалась наружу. Обхватив Рафаила маленькими прохладными ладонями, она, всхлипывая, пробормотала:

- Мне некуда идти! И нет никого! Все умерли...

Ада резко остановилась и порывисто обернулась к третьему путнику.

- Авдей... - словно бы вопросительно проговорила она. Молодой муж понимал свою супругу без слов.

- Пусть маленькая незнакомка поживет с нами, - предложил он, взглянув на Рафаила. Но тот отрицательно покачал головой.

- У вас у самих вскоре будут дети, к чему вам лишние хлопоты? Вы далеко не так богаты, скорее наоборот. Правда, я тоже, но у меня никого нет, я одинок, и вряд ли когда-нибудь заведу семью. Пусть девочка поживет со мной. Хочешь? - спросил он, чуть повернув голову к Анне. Та молча кивнула, не в силах выразить охвативший ее радостный трепет словами. Мысль о том, что она будет жить с таким человеком, показалась ей волшебной.

- А как зовут тебя? - спросила Ада, ласково улыбаясь.

- Анной, - тихо ответила девочка. К молодой красивой женщине она сразу почувствовала симпатию, смешанную со странным ощущением, что Ада очень умный человек и очень много знает обо всем на свете.

...Анна вздохнула. С поры знакомства с Рафаилом минуло много лет, и все это время девушка прожила с ним. Ада, Авдей и их дети стали ее самыми близкими людьми, и казалось, весь мир не может вместить безграничного счастья Анны. И вот случилось это...

О смерти и болезнях девушка, разумеется, знала, но они казались ей чем-то отдаленным. Она верила в загробную жизнь, так, как об этом рассказывают в храмах. Но при мысли, что она может вскоре расстаться с Рафаилом, ей становилось не по себе.

- Добрый день, - раздался сзади негромкий женский голос, прервав печальные мысли девушки. Анна обернулась и увидела Аду и Авдея, остановившихся у входа. За прошедшие годы Ада не слишком изменилась, зрелость была скорее к лицу ей. Она совсем не пополнила, морщин почти не было, а те, что все же появились, придавали ей очарование мудрости. Взгляд остался столь же пронизательным, как и в молодости, а легкая седина даже красила женщину. И, как в молодости, Ада осталась все такой же молчаливой.

На Авдее возраст казался больше: волосы стали совсем белыми, а лицо испещрили глубокие морщины. Только сейчас Анне пришло в голову, что и Рафаил состарился за прошедшие годы. Ведь он, к тому же, был много старше Ады и Авдея. Но мысль о том, что Рафаил может быть старым, показалась девушке кощунством.

- Как он? - тихо спросила Ада, протягивая девушке небольшой мешочек, от которого исходил запах целебных трав. Глаза Анны наполнились слезами. Опустив голову, она некоторое время молчала, стараясь собраться с силами. Как это трудно - признаться, что все обстоит намного хуже, чем ты хочешь в это верить!

- Ему очень плохо, - прошептала девушка и, увидев мешочек, приняла его из рук Ады, поблагодарив ее взглядом: на слова уже не хватало сил.

- Ничего, все будет хорошо, - постарался успокоить девушку Авдей, подходя ближе. Анна молча кивнула и выдавила из себя подобие улыбки. Ее била мелкая дрожь, большие глаза расширились от страха за будущее. Авдей печально смотрел на нее, не зная, как успокоить несчастную девушку. В том, что она несчастна, он не сомневался: ее привязанность к Рафаилу была сильна и очевидна. Тот ограждал свою воспитанницу от реальной жизни, желая тем самым сделать ее счастливой, но, в конце концов, получилось только хуже. Теперь реальность сама вошла в их дом, а бедная Анна не представляет, как принять ее своим нежным сердцем, привыкшим к радостям и легкому решению самых сложных проблем: как тогда, в детстве, проблема потеряться одной в большом городе, решилась, стоило встретиться на пути маленькой девочки Рафаилу. Но сейчас, вполне возможно, проблема не сможет разрешиться так же легко. И что будет с Анной, если она останется одна? Конечно, они с Адой помогут ей, но намного больше, чем они, ей необходим Рафаил. Авдей вздохнул, сознавая свою беспомощность. Он не любил признавать, что не способен облегчить существование кому-либо, тем более столь давней подруге. Но за жизнь и смерть отвечает лишь сам Господь, и тут ничего не поделаешь.

- Ладно, все еще может исправиться, - неуверенным голосом произнес Авдей, желая нарушить воцарившуюся тишину. Анна вздохнула и присела около постели Рафаила. Некоторое время все молчали, однако через несколько мгновений гнетущую тишину нарушил голос Анны:

- Отец, поспи еще, тебе надо набираться сил, - обратилась она к Рафаилу, внезапно открывшему глаза и в некоторой растерянности оглядевшемуся по сторонам. Тот попытался приподняться на локте и, закашлявшись, махнул рукой, словно желая что-то сказать.

- Я не устал, дочь моя, - наконец удалось произнести ему. Но Анна лишь отрицательно покачала головой и грустно улыбнулась:

- Прости, отец, но твое здоровье мне важнее всего на свете.

- Неразумно, дочь моя, - снова бессильно откинувшись на постель, тихо заметил он. - Важнее всего для тебя должен быть Бог, а потом уже я.

- Я не хочу спорить с тобой, - взяв ослабшую руку Рафаила в свою, мягко проговорила девушка. Ада тоже склонилась над больным и немного печально спросила:

- Какая же новость окажется для тебя исцеляющей?

- Какая? - нахмурился Рафаил и, устало прикрыв глаза, ответил, словно бы говоря сам с собою: - Конечно же, весть, что я могу хоть издали взглянуть на Спасителя.

- Будешь просить Его о здоровье своем? - поинтересовался Авдей.

- Что за мысль! - ужаснулся Рафаил и даже чуть приподнялся с постели. - Конечно же, не буду. Да это мне и не понадобится.

- Отчего же? - голос Анны охрип от волнения. «Неужели он имеет в виду, что все равно умрет?» - испуганно подумала девушка и в страхе прикрыла глаза, стараясь успокоиться.

- Да так, - загадочно улыбнулся Рафаил.

...Запыхавшийся Авдей остановился у входа и, не в силах вымолвить ни слова, лишь призывно махнул рукой.

- Что случилось? - Анна поднялась и побежала навстречу ему, пытаясь про себя решить, какая еще проблема произошла. В последнее время в жизни девушки началась черная полоса, и ни на что хорошее Анна уже не надеялась.

- Рафаил, случилось то, о чем ты мечтал! - Авдей, не обратив внимания на остановившуюся около него девушку, приблизился к Рафаилу. - Уже много людей собралось послушать проповедь Сына Человеческого.

Рафаил резко сел в постели, и лишь подбежавшая Анна заставила его не вставать.

- Отец, тебе ведь плохо, путь к морю ослабит твое здоровье, - постаралась мягко увещевать его она, хотя и понимала всю тщетность подобной попытки.

- Дочь моя, сразу видно, ты не встречала в своей жизни силу Божества, иначе ты поторапливала бы меня, - Рафаил с удивительной для его болезни легкостью отстранил Анну и поднялся на ноги.

- Ты прав, отец, я не встречала подобного, - признала девушка, снова подбегая к нему, теперь уже, чтобы помочь идти. У левой его руки встал Авдей. Так, поддерживаемый с двух сторон, Рафаил направился к выходу.

- Ох, как приятно снова оказаться на ногах! - радостно сказал он уже на улице и, взглянув на притихшую девушку, весело спросил: - Хочешь ли ты знать, что я имел в виду под силой Божества? Дело в том, что мне однажды, еще в юности, приснился чудесный сон, и вряд ли я сумею найти достойные слова, чтобы описать всю его удивительную красоту. Мне запомнилось безграничное небесное пространство, и я был легкой дымкой. Меня никто не видел, а я видел всех, более того - я не просто видел людей, я видел как бы их сущность, их мысли и поступки. И я прекрасно знал, что сплю. Вернее, я считал, что сплю не я, а спит... Как бы сказать? Мое тело, что ли... Так вот, я был дымкой. Я взмыл в лазурные небеса и летел все выше и выше. Рядом порхали птицы, и чудное дело - я понимал, что они щебечут. Но вскоре и птицы перестали появляться, а голубизна вокруг стала мерцать, и потом не осталось ничего, кроме этого мерцания, одного только идеального Света. И на мгновение я вдруг почувствовал такое блаженство, когда ничего не нужно, мне не хотелось возвращаться обратно, хотелось остаться там. Но какой-то высший Голос словно сказал мне, что я должен идти назад. На этом сон и закончился. Кстати, вскоре после этого я встретил тебя, дитя мое, - ласково обратился он к изумленной Анне. - И потом я уже не мог не мечтать вновь узреть что-то подобное.

- Ох, отец, я по сравнению с тобой такой серый человек!.. - обескуражено произнесла Анна, покачав головой. Рассказ Рафаила не умещался в ее сознании.

- Дитя мое, я был старше тебя, когда увидел тот сон, а после меня подобные видения не посещали, - глубокомысленно заметил тот.

...Вскоре они уже стояли среди множества людей и, как они, с замиранием сердца смотрели на небольшую лодку, в которой сидел Он, идеал духовной красоты и совершенства, Тот, описать Которого я не берусь.

«З ... вот, вышел сеятель сеять;

4 И когда он сеял, иное упало при дороге, и налетели птицы, и поклевали то;

5 Иное упало на места каменистые, где не много было земли, и скоро возошло, потому что земля была неглубока;

6 Когда же возошло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло;

7 Иное упало в терние, и выросло терние и заглушило его;

8 Иное упало на добрую землю и принесло плод: одно во сто крат, а другое в шестьдесят, иное же в тридцать.

9 Кто имеет уши слышать, да слышит!»¹

Анна силилась проникнуть в смысл самых мудрых слов, которые когда-либо слышала в своей жизни. Сердце ее учащенно билось и, хоть она сама и не все поняла из притчи, однако девушка интуитивно чувствовала скрытую в символах Великую Истину. И последние слова Учителя {Кто имеет уши слышать, да слышит) были словно наставлением ей. Вернее, таким, как она.

Кто-то тронул ее ладонь, и Анна быстро обернулась. На нее ласково смотрели мудрые глаза Рафаила. И, что поразило Анну, он казался здоровым, совсем, как в далекие дни молодости.

- В этом и заключается сила Божества, о которой я уже упоминал, - шепнул Рафаил, заметив изумление Анны. Та растерянно смотрела на него, только сейчас осознав, что совсем ничего не знает о тайнах и загадках окружающего мира...

Взгляд девушки коснулся Учителя. И в этот миг, ставший поворотным моментом ее жизни, в ее сознании мелькнул туманный образ, смутное видение неизвестного безграничного пространства, заполненного мерцающим снежно-белым светом...

Анна не поняла, что за видение посетило ее, но сердцем ощутила те чувства, о которых говорил Рафаил, описывая свой сон... И если до этого мгновения она очень смутно представляла себе жизнь и смерть, то теперь что-то изменилось в ее мыслях, и в сознании девушки время слилось в Вечность.

¹ Евангелие от Матфея

ЭХО ВРЕМЕН

Пролог

Она смотрела на него, чуть сощурившись, сквозь полуопущенные седеющие ресницы. Вокруг пронизательных серых глаз разбегалась тонкая сеть прозрачных морщинок, худое, с резко выделяющимися скулами лицо сохраняло надменно-мрачное выражение. Ей было немало лет, да, наверняка... Об этом свидетельствовала и уже не очень упругая загорелая кожа, и морщины на лбу и у сомкнутых губ, и серо-белые пряди седины в строгой прическе. Но, не смотря на это, женщина сумела сохранить долю холодной, немного жесткой красоты: подтянутая фигура, королевская осанка, правильные, хотя и резковатые, черты лица.

Сильная личность. Да, она, несомненно, необычный человек с волевым характером и завидной целеустремленностью...

Такие мысли пронеслись в голове Андрея, пока он рассеянно разглядывал сидящую перед ним на краешке кресла немолодую особу в строгом темно-синем платье.

- Вы – Андрей Михайлович Будхинов, не так ли? Ваши ученики еще называют вас «ветром». Я права?

Сказано это было сухо и недовольно, словно одно то, что он носил это имя, являлось неслыханным преступлением. Андрей усмехнулся и, чуть подавшись вперед, кивнул:

- Да, вы правы. И по какому поводу вы хотели меня видеть?

Женщина поморщилась и попыталась выразить взглядом, что она могла хотеть что угодно, но только не видеть его! Суровая необходимость – да, но желать этого?! Впрочем, вслух она сказала предельно вежливым, хотя и ледяным тоном:

-Я хотела побеседовать с вами. Меня зовут Антонина Павловна Асколько. Вам знакома моя фамилия?

Он нахмурился, припоминая. Да, пожалуй, знакома...

- Виктор Асколько – ваш муж или брат? – поинтересовался он, наконец, глянув на нее с любопытством. Она холодно кивнула:

- Муж. Это большой ребенок, как и все мужчины, впрочем, и за ним нужен глаз да глаз. Я уехала к сестре на день рождения, Виктор не смог поехать со мной, у него болело горло, и я оставила его дома, - она говорила неторопливо, словно учительница пыталась вдолбить какой-то выученный всеми урок нерадивому ученику. Помолчав, Антонина продолжила: - Да, дома. Кто бы мог подумать, что простуда не помешает ему отправиться на какой-то семинар по оккультизму? Но это произошло, и мне не нравятся последствия. Я все разузнала у мужа, и теперь хочу, чтобы вы мне ответили честно на один вопрос: зачем вы все это затеяли?

Андрей задумчиво смотрел на нее, припоминая высокого подвижного человека с большими карими глазами, в старой курточке и с шарфом, обмотанным вокруг шеи. Действительно, он, кажется, был простужен, хотя и отмахивался от подобных вопросов: «Подумаешь, пустяки! Это Тоня делает из всего этого проблему...». Значит, это и есть та самая Тоня. Да, холодная особа, а муж ее ему очень даже пришелся по душе: веселый, начитанный, довольно умный, к тому же... И кто, интересно, придумал, это нелепое название – «Семинар по оккультизму»?! Вовсе и не семинар, просто встреча с друзьями, на которую его ученик пригласил своего знакомого – некоего Виктора Асколько.

- И что же вы хотите от меня? – наконец спросил он. Антонина хмуро глянула на него из-под прямых, умело выщипанных бровей:

- Я не люблю фантастику. Я предпочитаю исторические книги и мемуары. А то, о чем вы говорили на своем семинаре, больно уж похоже на фантастику.

- Ну, вкусы бывают различными, вы не находите? – с улыбкой спросил Андрей. Казалось, собеседница забавляет его.

- Да. Но вы-то проповедуете все это не под эгидой фантастики, а будто рассказанное вами правда, - она произнесла это без эмоций, но глаза ее сердито блеснули. – По-вашему, время – это величина не линейная? То есть не путь из точки А в точку В?

- Вы математик, по-видимому? – Андрей продолжал улыбаться. – Или историк?

- Я учитель в младших классах. И все-таки, ответьте, вы полагаете, что время - это некая субстанция? Что различные времена пересекают друг друга, существуют параллельно одно другому?

- Ну, я не полагаю, а знаю. Я много раз убеждался в этом и часто использую возможности времени. Кстати, время может быть и линейным – для какой-то конкретной временной параллели. Поэтому ваши любимые писатели и цари существовали в этом линейном времени и продолжают существовать там же.

Антонина поджала губы и враждебно взглянула на него.

- Вы говорите глупости. Это сродни бредням писателей-фантастов!

- Ну почему бредням? Жюль Верн тоже считался фантастом когда-то, но теперь то, что он выдумал, воплотилось в жизнь. То же касается и других авторов фантастики. Если вы о чем-то не знаете, это вовсе не обозначает, что этого нет.

- Видно, спорить с вами бесполезно, - она поднялась, прямая, как струна, и холодно глянула на него сверху вниз. – Вам нечего добавить к сказанному, чтобы убедить меня?

Андрей рассмеялся, и его добродушный веселый смех вывел женщину из себя. По ее лицу пошли красные пятна, она сощурилась и сердито проговорила:

- Мне много лет, больше чем вам, молодой человек. Вам, должно быть, не больше сорока? Что вы видели, и что можете знать? Я учитель, и этим все сказано! И если я потребовала от вас ответа, вы должны ответить мне, а не насмехаться!

Андрей, сдерживая смех, легко поднялся на ноги и подошел к книжным полкам. Вытащив тоненький потрепанный томик, он вынул откуда-то из середины стопочку листков и протянул их женщине.

- Я прошу прощения, Антонина Павловна, - иронично произнес он. – Разумеется, я не прав. Тем более что я могу предоставить вам небольшой дневник... Нет-нет, вы не о том подумали. Сюда вы навряд ли поставите мне дурную оценку, - по его губам мелькнула ослепительная улыбка. – Это мини-воспоминание о том незабвенном приключении, что довелось пережить мне. После этого случая я еще не раз попадал в различные переделки, но о них я не писал. Это единственное письменное повествование. Можете прочесть. Вы будете первая, кроме моей жены, кто читал это.

Антонина с некоторой опаской взяла в руки стопку листков, исписанных ровным аккуратным почерком.

- Не понимаю... - неуверенно протянула она. – Что это?

- Прочтите, - улыбнулся тот. – Возможно, это покажется Вам лишь фантастикой, но, тем не менее, прочтите.

Женщина повертела в руках дневник, хмыкнула и деловито спрятала полученное в небольшую черную сумочку.

- Ладно, я прочту.

Глава 1

Шел мелкий противный дождь. Типичная осенняя погода, когда сыро и холодно, и из серого непроглядного неба сыплется что-то прохладное и мокрое, и хочется поскорее пронырнуть в подъезд. Отнюдь не пушкинская осень, а листва если и есть под ногами, то напоминающая не золототканый ковер, а буро-серую мягкую массу.

Я сердито размышлял о превратностях жизни студента и торопливо шел по мокрому тротуару, сосредоточенно глядя себе под ноги, чтобы ненароком не вступить в какую-нибудь лужу. Изредка я чуть приподнимал голову и окидывал прохожих хмурым взглядом. Все они напоминали меня самого: сосредоточенные на себе самих, спешащие в укрытия и скукожившиеся в своих легких курточках, ведь для по-настоящему теплой одежды время еще не пришло – всего лишь середина сентября. Редкая отупевшая от холода и дождя толпа, потерявшая всякие краски: серолицые, с потухшими глазами и в таких же серобуромалиновых нарядах. Не то, что летом, тогда одно удовольствие наблюдать за загорелыми аппетитными девушками с улыбающимися лицами. В подтверждение своей мысли я скользнул взглядом по группке юных дам, стоящих под навесом

продуктового магазина. Скукожившись в своих куртках и плащах, бледные, они не произвели на меня умиротворяющего впечатления, и я, грустно вздохнув, продолжил было свой путь, но... Да. Вот тут-то все и началось. Не знаю, что было бы, не встречу я сейчас ее. Хотя что было бы? Ничего! Жил бы себе на свете заурядный студент по имени Андрей Будхинов, болтающийся в свободное время по улицам с приятелями и изредка вспоминающий о наличии книг.

Я не успел опять уйти в свои мысли, потому что мне пришлось резко остановиться. Дело в том, что на встречу мне буквально летела прехорошенькая девушка. Невысокая (что само по себе величайшее достоинство, так как роста я, увы, среднего, отнюдь не метр девяносто), хрупкая, она смотрела перед собой громадными серыми глазами и, казалось, либо ничего не видела, либо же преследовала цель протаранить меня насквозь.

Секунду спустя она очутилась практически в моих объятиях. Мокрая, так как зонтика у нее, в отличие от меня, не было, она тяжело дышала и облизывала губы.

- Уф, слава богу, ты оказался поблизости.

Ошарашенный, я молча смотрел на нее.

- Да уж, наверное, - наконец буркнул я, понимая, что это отнюдь не самая глубокомысленная фраза.

- Ты меня помнишь? – не давая мне пройти, она стояла практически вплотную ко мне. Ее мокрые каштановые пряди слегка завились от тяжелых дождевых капель, кожа влажновато блестела, а полные красивые губы (к счастью, без всякой помады!) приоткрылись, словно она... Впрочем, неважно.

- Если ты помнишь меня, то и я тоже, - я уже пришел в себя и гордо выпрямился. Конечно же, я ее не помнил, и помнить не мог. Я не принадлежу к числу суперменов, которые забывают своих друзей по причине их многочисленности. Скорее всего, все дело в том, что я понравился ей! А как же... Я, конечно, не эталон мужской силы и привлекательности, но, вообще-то говоря, могу производить благоприятное впечатление. А раз это милое создание подметило мои достоинства (волевой взгляд, подтянутое тело, хотя и не Шванценнегерское, густые темные волосы) и проигнорировало мелкие незначительные недостатки (скажем, отсутствие избытка роста), то она явно принадлежит к числу неглупых миловидных девушек.

-Ты помнишь Розовые Скалы? – ее серые выразительные глаза смотрели на меня выжидательно и нетерпеливо.

-Розовые горы? – иронично переспросил я.

Она закусала губу и с каким-то странным чувством глядела на меня. Я на мгновение засомневался, что не знаю ее, может, действительно позабыл?

-Ты не помнишь... Это не удивительно.

И она, покачав головой, проскользнула мимо меня, а я, обернувшись, недоуменно смотрел ей вслед. Даже номер телефона не попросил! Что за странная девушка?

...А потом меня стали преследовать непонятные сны. То я видел себя верхом на коне (это себя-то!), гордого и высокомерного, то я плыл на корабле и что-то кричал смуглому человеку с развевающимися на ветру волосами, а вокруг искрилось лазурное море... А иногда я видел молодую женщину с длинными темными волосами, иссиня-черными и гладкими. Она смотрела на меня огромными бездонными глазами, и ее надтреснутые подвижные губы изгибались в горькой усмешке. Она чуть откидывала свою небольшую головку и глядела на меня из-под изогнутых черных блестящих ресниц, и взгляд ее выражал: «Ну же, убей, если хочешь!». Убей?! Но почему убей?! Мне становилось жутко, когда я вдруг понимал, что действительно собирался убить ее, я делал шаг назад и знал, что у меня есть лишь один выбор: либо шагнуть вперед и совершить то, для чего я искал эту женщину, либо же шагнуть назад... А там зияла пропасть, я ощущал спиной ее холодную притягательную силу.

Тут я просыпался в холодном поту и некоторое время молча, в ужасе смотрел в потолок и отчаянно хотел вновь стать маленьким мальчиком, чтобы можно было с криком «Мамочка!» броситься вон из страшной, заполненной тенью комнаты. Но мне уже 19, и я молча лежал, боясь шевельнуться и мысленно повторяя себе, что я – трус. А в памяти плясало прекрасное лицо той женщины, в чьих густых волосах поблескивал белый обруч, а рядом мелькало другое видение: промозглый дождь, и круглые серые глаза странной девушки, и ее хриплый голос, спрашивающий

о розовых скалах... Розовые скалы... Я вдруг понимал, что именно на розовых скалах повстречал я темноволосую колдунью в серебряном венце, и что эта же колдунья недавно разговаривала со мною под дождем... И что в той ситуации должен был быть и третий выход... Шаг вперед, шаг назад... И что-то еще... Но что? И что общего между гибкой темноволосой красавицей с правильными чертами лица и совершенной фигурой и хорошенькой, но не более того, сероглазой худенькой шатенкой? Как они могут быть один и тем же человеком?

Наверное, я медленно схожу с ума... Или так выражается любовь? Может, я влюбился с первого взгляда, и поэтому меня преследуют эти странные видения?

...Я, вздохнув, вылез из ботинок и поплелся в комнату. Квартира пустовала, что было хорошо с одной стороны (а то родители начали бы приставать с нелепыми вопросами об уроках!), но плохо с другой – я был голоден, а чтобы поесть, пришлось бы совершить целый ряд операций: открыть холодильник, найти что-то съедобное, налить в миску, поставить на плитку, включить ее... А главное – вовремя выключить!

Так что я счел за благо походить голодным, тем более что в эту минуту меня занимали и другие проблемы. Я чуть ли не впервые в жизни хотел побыть наедине с собой и поразмышлять.

Плюхнувшись в ближайшее кресло, я откинулся в нем, и задумчиво посмотрел по сторонам. Хорошо знакомая обстановка, книжные полки, телевизор, картина «Три богатыря»... все знакомо с детства. Но с чего бы начать размышлять? Тема есть – эти дурацкие сны начали меня сильно беспокоить! – но ведь надо уметь обдумать ее...

Я тупо смотрел в угол комнаты и вдруг вздрогнул. Мне показалось, что от окна отделилось что-то прозрачное и легкое, словно дымка.

- Я схожу с ума! – на всякий случай я произнес это вслух и встал, готовый в случае чего ринуться вон из комнаты. Вглядевшись в сторону окна, я ничего не заметил и, слегка успокоившись, хотел было вновь сесть, когда внезапно ощутил, что холодею от ледящего ужаса. На меня смотрело ОНО. Или он... Вернее, я сам, словно мое смутное отражение, только прозрачное и овеянное неярким светом. Я не закричал только потому, что онемел от изумления. А не выбежал из комнаты по другой причине – что я, трус, бегать от призраков? Сие создание вряд ли причинит мне вред.

Облизав губы, я, бледный как полотно (я не видел себя со стороны, но уверен, что был именно таков), с ужасом глазел на это нечто. Мгновение спустя это нечто шелохнулось и мягко двинулось в мою сторону, а мне показалось, что ноги приросли к полу. Наверное, я бы поседел как лунь, приблизься мое отражение ко мне хоть на миллиметр ближе. Но, к счастью для меня, оно остановилось.

- Добрый день, - я решил быть предельно вежливым. Видение не ответило, но я отчего-то понял, что оно хотело бы мне сказать. Понимание осенило меня сразу, мгновенно, и это трудно было назвать словами, но за неимением лучшего я все-таки буду определять его манеру общения как речь.

«Почему ты боишься самого себя?»

Я поежился и продолжал мысленный диалог (потому как говорить вслух с самим собою – довольно глупо):

«Кто ты?»

«Хм, это не самый важный вопрос. Знаешь ли, чтобы найти правильные ответы, нужно задать правильные вопросы. Когда ты задашь их, все решится само собой».

Я молчал, не зная, что сказать, мысли мои перемешались, и едва ли даже это привидение сумело бы в них разобраться. Я смотрел на него, а он начал медленно таять, и в моей голове звучала его прощальная мысль:

«Время вовсе не линейно. Оно пересекает всевозможные пространства, а точка, откуда время распространяется повсюду, и является Богом. И ты живешь не только в этом конкретном времени, ты есть и в других реальностях и временных плоскостях. И ты существуешь в них в эту самую секунду. Ты – это не это тело, и не мысленный поток пустых размышлений студента-третьекурсника, ты – это нечто большее...»

Он таял, а я чувствовал, что впадаю в состояние, близкое к прострации. Когда я очнулся, комната была пуста, а в замке поворачивался ключ – вернулся с работы отец.

...Странная идея задать правильный вопрос начала преследовать меня похуже снов. Я перестал бродить с друзьями после лент по улицам, смотреть бесцельно телевизор и даже стал чаще заглядывать в учебники, – а вдруг именно на страницах физической химии я найду тот самый нужный вопрос? Не знаю, зачем мне было это нужно, но я хотел убедиться, что нормален, что мир вокруг не рухнет – найти бы только этот вопрос!

И вот однажды (кажется, через пару месяцев после случая с видением у окна), я увидел тот самый сон. Я был в лабиринте из множества дверей, на каждой из которых висела табличка с вопросом. И я знал, что должен войти в одну из этих дверей, что лишь тогда я избавлюсь от наваждения и смогу понять, что же все-таки происходит. И я могу толкнуть лишь одну дверь. Но какую?

Мой взгляд метался по табличкам. «В чем смысл жизни?», «Откуда произошел человек?», «Как развить свой разум?»... Нет, не то, не то... Когда я наткнулся на последнюю табличку, то был уже близок к отчаянию.

- Она... - прошептал я и проснулся.

Хотя проснулся ли? Я вдруг понял, что не сплю, но это был уже не совсем я.

Я – Андрей Будхинов? Нет, не только. В какой-то реальности, в каком-то линейном промежутке времени я - действительно он. Но сейчас я – полководец Аристанх, и в ближайшем будущем мечтаю стать императором Эрилии. Для этого всего-то нужно завоевать последний кусочек полуострова Аринха – кусочек, где властвует упрямая и по слухам всемогущая жрица Искры Ананха...

Глава 2

Ямбер озабоченно смотрел на него.

- Аристанх, что с тобой? Ты словно не в себе. Ты должен быть сильным и спокойным, ведь жрица – настоящая колдунья, совладать с ней не каждый может. Держи себя в руках и помни – ты будущий император Эрилии.

Высокий, крепкого телосложения мужчина, стоящий рядом с ним, слегка повернул голову и рассеянно взглянул на него, словно бы и не замечая. Он был сильным, красивым, уже не очень молодым, скорее зрелым, с темными длинными волосами и смуглым лицом, на котором застыла жесткая властная маска уверенного в своем всемогуществе человека. На его широкие плечи был накинут тяжелый алый плащ с золотыми подплечниками, ноги, несмотря на палящее солнце, были обуты в высокие кожаные сапоги.

- Я устал, - негромко ответил он, наконец. – Ямбер, я устал, и мне уже мерещится всякое...

- Это козни жрицы, - уверенно кивнул тот, низенький худой человек с сальными каштановыми прядями. Аристанх молча глядел на бескрайние просторы спокойного безмятежного моря и пытался вобрать в себя неуловимое ощущение покоя от ровного, практически без тряски движения корабля. Плыть бы вечно...

- Я вдруг ощутил, словно проснулся, - тихо, будто сам с собою, заговорил он. – Еще минуту назад мне думалось только о победе и бое, я был готов убить Ананху, если будет нужно... Но внезапно... не могу объяснить, но мне все стало безразлично. И я припоминаю события, которых не было в моей жизни.

Ямбер с беспокойством взглянул на него.

- Позволь мне на правах твоего первого советника сказать тебе следующее: ты переутомился. Отдохни немного, и подумай о том, что осталось совсем немного, – и ты добьешься того, о чем мечтал годы и годы! Разве ты забыл, сколько часов мы с тобой потратили на то, чтобы составить идеальный план завоевания Эрилии? Неужели тебе не хочется довести затею до конца, когда осталось так немного – уничтожить эту ведьму?

Полководец безразлично пожал плечами.

- Не знаю... Мне хватает моих земель... - протянул он не вполне уверенно, словно удивляясь собственным словам. Ямбер вскинул брови и недоверчиво осведомился:

- Минуту назад не хватало, а теперь хватает?

- Что-то случилось со мной... - медленно проговорил он. – Я словно уже не совсем Аристанх, во мне проснулся кто-то другой. Я... мне видится дождь, и я иду куда-то... И сероглазая девушка... Что со мной? – он резко повернулся к Ямберу, и тот не успел стереть с губ скептическую усмешку. – Ты считаешь, что я безумен? – он сдвинул густые широкие брови и сделал угрожающий шаг к нему, положив руку на эфес меча. Ямбер отступил.

-Я думаю, ты немного устал, - примирительно заметил он.

...И вот он на Розовых Скалах. Ироничный взгляд первого советника и его насмешливое «Ты устал, переутомился» вывели его из себя. Он не сумасшедший, и раз он поставил себе цель завоевать этот край, он завоюет его! А видения и мысли... Ну их! Должно быть, и правда лишь козни этой ведьмы.

Розовые Скалы... Они действительно розоватые, матовые, с кремово-серебряным отливом... Внизу, в пещере, находится храм Божественной Искры, обитель жрицы Ананхи, прекрасной темноволосой богини в белых развевающихся одеждах...

Вот она перед ним, он все-таки поймал ее в ловушку. Ей некуда идти, и ему остается одно – уничтожить последнее препятствие на пути к трону. Кажется, это очень легко, ведь он никогда не задумывался над такими вещами, как жизнь и смерть, но сейчас почему-то опасается сделать решающий удар. Может быть, оттого, что эта ведьма стоит, прислонившись к скале, и, тяжело дыша, насмешливо улыбается? Словно бы говорит: бей, если хочешь, я не боюсь смерти...

Аристанх замер в нерешительности. Он никогда не задумывался о морали, и эта женщина всегда казалась врагом ему. Он знал, что она красива, и он видел ее ранее, и никогда чары не завладевали им, – ибо он знал, что перед ним ВРАГ. Но что же произошло с ним теперь? Почему ему слышатся капли дождя, и с этим прекрасным ликом сливается образ юного сероглазого существа?

Шагнуть вперед?... Или назад... Он знал, что там, сзади, простирается пропасть. Если он оступится... если пропасть примет его в свои бездонные объятия... в этом случае никто, даже Ямбер, не посмеет обвинить его в сумасшествии либо трусости. Он лишь окажется одним из тех, кто не выдержал последнего боя с Ананхой. Так что... Шагнуть назад? Или сделать последний рывок вперед, к ней?.. Таков ли единственный выбор?

Внезапно жрица выпрямилась, и в ее черных огромных глазах появилось странное выражение. Она нахмурилась и хрипло выговорила:

- Ты помнишь... дождь? Я бежала тебе навстречу, и я была мокрой от льющейся с небес воды...

Аристанх вздрогнул.

- Ты ясновидящая? – спросил он испуганно, невольно леденея от ужаса в присутствии этой хрупкой безоружной женщины, тогда как у него самого был искусно выкованный меч.

Жрица сверкнула бездонными глазами.

- Наверно... - глухо прозвучал ответ. – Я просто помню...

- Что ты помнишь? – он почти шагнул вперед, сжав рукоять меча. Она не заставит его бояться. Ананха не двигалась, в ее взгляде не было и тени страха. Казалось, ей было все равно, что он сделает, как поступит.

- Я помню, что я – не только жрица храма Искры. Иногда я начинаю вспоминать, что есть множество меня, и у каждой из них своя судьба. И есть какое-то Высшее выражение меня, то, что объединяет все проявления моей сущности, - она говорила негромко, глядя на него пронизывающим до глубины души взглядом. Ему было больно смотреть на нее. – Я помню и тебя, в одной из моих жизней... Все эти жизни протекают одновременно, и в одной из них мы и сейчас идем навстречу друг другу в дождь...

Аристанх выпрямился и вдруг понял, что ему совершенно безразлично все – и мнение Ямбера, и титул императора, и даже своя дальнейшая судьба.

- Я тоже помню, - тихо сказал он. – И мне жаль, что ты жрица. Будь ты просто женщиной...

Она чуть покраснела.

- Что тогда? – спросила она, и глаза ее пылали. Он силился разгадать причину, вызвавшую этот огонь – гнев или... или иное чувство?

- Тогда я поцеловал бы тебя и ушел, унося память о чуде, - услышал Аристанх собственные слова.

- А так? – она закусила губу и смотрела на него со странным чувством то ли сожаления и грусти, то ли презрения.

- А так ты – неприкосновенна, - в его голосе раздалась смутная печаль, но не было нерешительности. Казалось, выбор сделан. - Как неприкосновенны и земли твои. Прощай, - и он ушел. Третий выбор... Выбор сделан.

...И вот я снова спешил в дождь с института. Было холодно, но я уже не обращал внимания на промозглую сырую погоду. Я нес в себе нечто, что назвал бы ПАМЯТЬЮ. Я помнил, что, даже если непогода застала меня в этом времени и этой реальности, то где-то в других реальностях, другом времени я сейчас несусь навстречу солнцу...

Я был без зонта, но прохладные капли не раздражали, а скорее бодрили меня. Я с мучительным беспокойством вглядывался в лица прохожих, смутно надеясь на что-то.

Вот она... На этот раз с зонтом, в аккуратной курточке и джинсах, с собранными в высокий «хвост» волосами. И теперь уже я подобно тарану рванулся ей навстречу, глядя в ее большие серые глаза.

- Можно под ваш зонтик? – осведомился я с деланной веселостью. Она остановилась (ей не оставалось ничего другого, так как я загородил ей дорогу) и, вскинув голову, молча смотрела на меня. Я взял ее за руку, осторожно и почти с опаской. Ее ладонь дрогнула в моей, и я испугался, что девушка сейчас вырвет руку и торопливо уйдет, не оглядываясь. Но она лишь хмуро смотрела на свою вздрагивающую ладонь.

- Раз уж ты пришел, то оставайся, - проговорила она каким-то надломленным голосом. Я боялся поднять на нее глаза, и лишь чувствовал, как слабо дрожит ее рука в моей влажной от дождевых капель ладони.

- Я помню, - вдруг глухо сказал я и поднял взгляд. Ее серые глаза расширились от удивления.

- Ты вспомнил... - медленно протянула она. Я кивнул и закончил:

- ...Розовые скалы. Когда ты вспомнила об этом?

- Недавно... - она не смотрела на меня, ее взгляд скользил по лицам прохожих, ни на ком не задерживаясь. – Я вспомнила себя жрицей. Вспомнила в тот миг, когда увидела тебя, медленно бредущего по улице... И... и не выдержала...

Я улыбнулся:

- Ты столь красивая жрица... таких сказочно великолепных красавиц я никогда прежде не видел.

По ее лицу пробежала легкая судорога.

- Да... - глухо пробормотала она, снова отвернувшись. – Темноволосая и стройная, как божество. А тут я... просто ни рыба ни мясо. Так, заурядность.

Я ощутил протест. Обняв ее левой, свободной от зонта рукой, я тихо прошептал ей на ухо:

- Глупая! Там ты была нереально красивой, непохожей на живого человека. Там ты была... жрицей.

По ее бледным щекам медленно стекали капельки дождя. Или слезы?

- Неприкосновенная... - проронила она, быстро моргая и, видимо, силясь не разрыдаться. Потом вскинула голову и посмотрела мне в глаза. Я вздрогнул, встретившись с двумя кристально чистыми зеркалами души. Никогда прежде я не встречал подобных глаз, да и потом тоже...

- Да, неприкосновенная... - подтвердил я. Она снова уткнулась взглядом в землю, и мне захотелось коснуться ее пышных волос рукой.

- Сейчас я обыкновенная, - снова ее глаза жгли мне душу. – Ты сказал тогда, что, будь я просто женщина...

Я улыбнулся:

- Я знаю, что сказал тебе. И полководец Аристанх не лгал.

И я потянулся к ее приоткрытым мягким губам.

- Я люблю тебя, - это признание я произнес первый раз в жизни.

Эпилог

Антонина молча положила рукопись на стол.

- Ну, как? – спросил Андрей, кивнув на нее. Женщина поджала губы.

- Не знаю, - хмуро буркнула она. – Надеюсь, вы не сумели убедить меня. Но... что-то во мне затронуло все это. Не знаю, что. Во всяком случае, автор вы небесталанный.

Андрей пожал плечами, ничего не ответив.

- Есть кое-что, о чем вы не упомянули в своем дневнике, - вдруг проговорила она. Он улыбнулся:

- Я даже знаю что. Вопрос!

- Да, вопрос, - кивнула она. – Вы не упомянули, какой именно был написан вопрос на той двери, в которую вы вошли... Во сне.

Некоторое время Андрей молча разглядывал ее.

- Вы считаете, мне стоило написать? А мне кажется, каждый человек должен сам, без подсказки найти подобный вопрос, - он снова ненадолго умолк. – Могу сделать подсказку. Я нашел нужный вопрос, думая, о том, что сказало видение или приведение, не знаю, что вернее. Меня множество – в разных временах и параллелях пространства. И то видение тоже, кстати, я. Возможно, это мое подсознание.

Она кивнула и поднялась на ноги.

- Хорошо. А что вы скажете о других путешествиях во времени и пространстве? Были они у вас? И где та девушка, с которой вы познакомились под дождем?

Он сощурился и весело посмотрел на нее.

- Девушка, а вернее женщина, сейчас в школе с малышом. А на счет путешествий... Приходите на следующий семинар по оккультизму, как вы его называете. Там и обсудим. И с женой я вас познакомлю.

Легкое подобие улыбки промелькнуло на ее лице.

- Я приду. Но не думайте, что я буду во всем безропотно соглашаться с вами подобно моему мужу. Я буду спорить.

Он улыбался.

- Хорошо. Как говорил Сократ, в споре рождается истина.

Уже на пороге она вдруг резко обернулась.

- А я знаю, какой вопрос вы нашли! – торжествующе заявила она. Андрей, поднявшийся проводить ее, удивленно вскинул брови:

- Уже? Так быстро? И что же это был за вопрос?

- Очень просто. Как известно, человек несет в себе Бога. И чтобы познать Бога, нужно познать истину. А Истину мы тоже несем в себе. Таким образом... - тут она помедлила и закончила с победными нотками в голосе: - Таким образом, вот тот вопрос: «*Кто есть я?*».